СЕРГЕЙ РОМАНЮК
ОСТО
ЖЕН
КА
ОСТОЖЕНКА
ПРЕЧИСТЕНКА
В ЛАБИРИНТЕ АРБАТСКИХ ПЕРЕУЛКОВ
ПОВАРСКАЯ УЛИЦА
У ПАТРИАРШЬЕГО ПРУДА
ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ С СЕРГЕЕМ РОМАНЮКОМ

Сергей Константинович Романюк

Остоженка. От Остоженки до Тверской

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9821938
Остоженка. От Остоженки до Тверской / Сергей Романюк.: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05133-2

Аннотация

Сергей Романюк приглашает вас в путешествие по Москве. Вместе с автором читатель пройдет от Остоженки – в древние времена дороги из Киева и Смоленска во Владимир, Суздаль и Ростов Великий – переулками до Тверской – крупнейшей улицы современного города.

Содержание

Глава I 5
Глава II 28
Глава III 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Сергей Константинович Романюк
Остоженка. От Остоженки до Тверской

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Глава I
Остожье

От Москвы-реки до Остоженки

По мнению историков Москвы, трасса Остоженки была в древние времена дорогой из Киева и Смоленска во Владимир, Суздаль, Ростов Великий. Она шла через Москву-реку (там, где сейчас стоит Крымский мост, а тогда был брод) мимо прибрежных сел и лугов к Кремлю и далее на север и северо-восток.

Недалеко от современной улицы находилось великокняжеское село Семчинское, впервые упоминаемое в 1339 г. «Приказываю сынам своим отчину свою Москву, – говорилось в завещании Ивана Калиты. – А се есьм роздел им учинил», – продолжал он, и далее следовал перечень городов, слобод и сел, и в числе последних «село Семциньское». Оно обязательно входило в завещания московских великих князей в продолжение почти 200 лет. Это село часто упоминается и в летописях в связи с многочисленными пожарами в Москве. Так, в царствование Ивана IV в 1547 г. «бысть буря велика, и потече огонь, яко же молния и пожар силен, и промче во един час за Неглинною огнь и до Всполья за Неглинною и Черторья погоре до Семчинского сельца, после Москву реку…». Это село упоминается в летописи также и в связи с тем, что Иван Грозный взял его в опричнину: «Повеле же и на посаде улицы взяти в опричнину от Москвы реки: Чертольскую улицу и с Семчинским сельцом и до всполья».

Другое село, стоявшее на берегу Москвы-реки, называлось Киевец – по выходцам из Киева. Карамзин приводит сведения о переселении в 1332 г. в Москву на службу к Ивану Калите боярина Родиона Нестеровича с сыном Иваном «и с ним же княжата и Дети Боярские и двора его до тысящи и до семи сот». Они поселились здесь, невдалеке от сухопутной дороги из Киева, и построили деревянную церковь Николая, «что в Киевцах»…

Эта полулегенда-полубыль неожиданно получила подтверждение в наши дни, и вот каким образом. После разборки в 1935 г. Успенской церкви на Остоженке в Третьяковскую галерею поступила икона, уже в плохом состоянии. Когда ее расчистили и отреставрировали, оказалось, что это прекрасное произведение русской живописи, изображающее Николу Зарайского, культ которого был широко распространен на Руси, ибо считалось, что он защитник от «насилия поганых», бесчисленных врагов, окружавших Русь. По определению искусствоведов, икона написана как раз на рубеже XIII и XIV вв. мастером именно Киевской школы. А в старинном московском роду Квашниных-Самариных, ведущих свою родословную от сына Родиона Нестеровича Ивана, по прозвищу Квашня, сохранилось семейное предание о вывозе этой иконы из Киева. Кстати, Квашнины-Самарины в XVIII в. были старостами в приходе церкви Николы в Киевцах. Деревянная церковь, перестроенная в каменную в 1691 г., стояла до 1772 г. на берегу Москвы-реки. Вода постепенно подмывала берег, и церковь пришлось разобрать. Кирпич пошел на ограду Зачатьевского монастыря, а икону передали в соседнюю Успенскую церковь, откуда она и поступила в Третьяковскую галерею.

Села были окружены обширными лугами, где косили сено для княжеского двора. Название улицы произошло от слова «остожье», что означало стог, или участок сенокоса («купил… шесть остожен»), или высокие подмости для стогов сена, место, где хранилось сено на подмостях, называлось «остожьем». С 1936 г. улица носила название Метростроевская из-за того, что метро проводили по ней открытым способом, в 1986 г., несмотря на протесты многих жителей, ей возвратили историческое имя.

В конце улицы, у Крымского брода, находился царский конюшенный двор, названный по местности «Остоженным», по периметру застроенный небольшими деревянными зданиями, любопытный и редкий рисунок которых сохранился в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Невдалеке от начала улицы, под стеной Белого города, в Москву-реку впадал ручей Черторый, по названию которого местность, где он протекал, называлась Чертолье. У его устья располагался лесной рынок. По изрезанному извилистыми протоками с ручьями и ручейками берегу Москвы-реки спускались незастроенные участки, сдаваемые именитыми владельцами – Шереметевыми, Голицыными, Скавронскими – под лесные склады.

Недалеко от стены Белого города, подходившей к Москве-реке, напротив его башни, украшенной семью шатрами, стояла маленькая деревянная Ильинская «обыденская» церковка, построенная «обыдень» – в один день, по обещанию, обету. Возможно, что впервые она появилась тут в конце XV или в XVI в. – в ризнице храма находился синодик, составленный между 1589 и 1607 гг. В 1612 г., в год победы русского ополчения над польско-литовскими интервентами, недалеко от этих мест, у Арбатских ворот, находились главные силы русского ополчения под командованием Дмитрия Пожарского и его соратников. Перед решающим сражением 24 августа, разгоревшимся в Замоскворечье, ополчение было передвинуто к берегу Москвы-реки, а сам «князь Дмитрей же Михайлович с своей стороны ста у Москвы-реки, у Ильи пророка Обыденного».

2-й Ильинский переулок от церкви Ильи Обыденного в сторону Остоженки. 1913 г.

Отсюда он в опасный момент послал Минина на гетмана Ходкевича, пытавшегося пробиться к осажденным полякам в Кремле: «…Козьма задумал сам ударить на врагов, пришел к кн. Пожарскому и стал просить людей. „Бери, кого хочешь!" – ответил князь. Козьма взял роту Хмелевскаго да дворян три сотни. На том берегу, у Крымского двора (церковь Иоанна Воина), стояли две гетманские роты, конная и пешая. Козьма, переправясь за реку, с великою прыткостию ударил впрямь на эти роты. Они, не дождавшись еще дела, дрогнули и побежали, конные потоптали пеших. Козьма еще прытче погнал за ними. Тогда засевшие в ямах и крапивах наши ратные, услыша крики битвы и увидя, что Козьма с великим стремлением гонит Поляков, и все, в один час, ото всех мест, где скрывались, повскакали, как один человек, и ринулись тиском на гетманские таборы. Следом за ними напустили конные полки. Гетман не выдержал этого натиска, – дрогнул и побежал со всем войском, оставив храбрым в добычу свои таборы со всеми запасами». В этой битве был убит племянник Кузьмы Минина.

Здание церкви (2-й Обыденский, 6) – памятник русской архитектуры, охраняемый государством, – построено в 1702–1706 гг. Гавриилом Деревниным, о чем свидетельствует надпись на доске, заложенной в северную стену. Г.Ф. Деревнин, возглавлявший вместе с боярином Тихоном Стрешневым несколько важных приказов, был думным дьяком, то есть имел один из высших чинов в бюрократическом аппарате Древней Руси; думные дьяки были докладчиками в Боярской думе, подготавливали ее решения.

Трапезную 1819 г. перестроили в 1866–1868 гг. и тогда же соорудили по проекту архитектора А.С. Каминского высокую (около 36 метров) колокольню.

На украшение и поддержание церкви крупные вклады делали и Третьяковы – братья Павел и Сергей и их мать, жившая в приходе церкви.

В Ильинской церкви находятся ценные иконы Спасителя и Казанской Богоматери работы Симона Ушакова, пророка Ильи XVI в., «Нечаянная Радость» из кремлевской Благовещенской церкви.

По церкви окружающие ее переулки назывались Ильинскими и Обыденскими. В начале XIX в. всю правую часть **1-го Обыденского переулка** (1-го Ильинского; он в 1965–1994 гг. носил имя Н.В. Крыленко, председателя революционного трибунала, прокурора РСФСР, комиссара юстиции СССР, одного из тех, кто стоял во главе карательного аппарата Советского государства, был репрессирован и расстрелян в 1938 г.) занимала большая усадьба майора Г.Б. Безобразова, по фамилии которого еще в середине прошлого века переулок назывался Безобразовским. В первом издании этой книги я написал, что на этой стороне обращает на себя внимание двухэтажное здание под № 12, которое появилось здесь вскоре после пожара 1812 г., уничтожившего почти всю застройку в этой местности, и что ограда его сделана 100 лет спустя по проекту архитектора В.М. Борина. Теперь же всего этого нет, и вместо него стоит новый жилой дом (2002 г., архитекторы В. Ходнев, Е. Костина и др.), который соседствует с также новым, одним из первых в этих местах, домом на углу 3-го Обыденского (1999 г., архитектор А. Скокан и др.).

На Остоженку переулок выходит доходным домом № 14/3 с оригинальной угловой башенкой и ярким крупным декором в стиле модерн, построенным для купца Я.М. Филатова в 1909 г. архитектором В.Е. Дубовским. О декоре этого дома активно распространяются в расхожей литературе о Москве всякого рода досужие вымыслы – наверху, видите ли, изображена рюмка (самый, возможно, узнаваемый для читателей такой литературы предмет), отчего авторы делали заключение о беспробудном пьянстве и владельца, и архитектора дома. Исследователь творчества архитектора пишет об этом здании: «Находясь значительно выше расположенных ближе к площади домов, оно оказалось фоном для храма Христа Спасителя. Архитектор не мог игнорировать этого. Значительно превышающая обычную проработка дворового фасада дома Е. Филатова – прямой намек на позакомарное покрытие русской культовой постройки в карнизе над обращенной к храму стеной дома явно свидетельствует о стремлении увязать массив первого на Остоженке жилого дома-гиганта с основной доминантой площади, подчинить его традиционной иерархии. Два других, лицевых, фасада напротив сами стремятся доминировать над улицей. Укрупненный по сравнению с соседними небольшими зданиями масштаб окон и дверных проемов, контрастное сопоставление пестрого майоликового фриза, крупных, резко прочерченных пластических вставок с гладкой штукатуркой, нелепость стилизованного купола – все говорит о размахе, силе, вступающей в конфликт со старым эстетическим обликом улицы».

1-й Ильинский переулок. Церковь Ильи Обыденного близ Остоженки. 1913 г.

По левой стороне переулка в конце XVIII – начале XIX в. был большой участок полковника Д.П. Черевина (ум. 1817 г.), адъютанта Павла I, начальника костромского ополчения в 1812 г., с обширным каменным главным домом, выходившим за красную линию Остоженки. Позади находился обширный двор со многими строениями. Сын владельца этой усадьбы, подпоручик Павел Дмитриевич Черевин, был причастен к движению декабристов; он рано умер – еще до восстания – и потому только избежал судьбы декабристов, а усадьба перешла к другому сыну, генерал-майору Александру (1802–1849). У него в 1823–1824 гг. снимал дом надворный советник Михаил Михайлович Сонцов, женатый на тетке Пушкина Елизавете Львовне.

На этом участке выстроены доходные жилые дома, оба полностью перестроенные в 2002 г.: № 5, 1906 г., архитектор О.Г. Пиотрович (в 1930-х гг. здесь жил известный гидробиолог, профессор Московского университета, участник многих океанографических экспедиций, академик Л.А. Зенкевич (1889–1970), № 7, 1904 г., архитектор К.Ф. Буров, а также № 9, 1913 г., архитектор Н.И. Жерихов, а кончается переулок большим жилым зданием (№ 14/5), построенным для Остоженского кооперативного товарищества по проекту В.В. Воейкова к 1915 г. Здесь жил врач В.К. Ильинский и его сын, артист Игорь Ильинский, артистка А.К. Тарасова.

Этот дом выходит и на соседний **2-й Обыденский** (ранее 2-й Ильинский) **переулок**. Часть его, ближайшая к Москве-реке, была застроена невидными и небольшими зданиями, за исключением дома № 3 (1913 г., архитектор П.И. Антипов; на его месте новое строение, выделяющееся своими хаотичными формами). На самом углу переулка стоял дом (№ 2), переполненный когда-то беднотой, ютившейся в его каморках, и прозывавшийся в ближней округе «Сережкиной крепостью». В Москве многие дома-трущобы носили ироническое название «крепостей». Была известна «Ржанова крепость» в Проточном переулке, описанная Л.Н. Толстым, «Арбузовская крепость» в Малом Колосовом переулке, яркое изображение которой оставили нам М.А. Воронов и А.И. Левитов в книге «Московские норы и трущобы», «Чебышевская крепость», приют бедных студентов на Козихе. Теперь на месте старого дома офисное здание, построенное по заказу Управления по обслуживанию дипломатического корпуса в 2000 г. (архитектор А. Скокан и др.).

Вверх по 2-му Обыденскому переулку здания становятся больше, выше, богаче. Дом № 11 с необычной формы балконами верхнего этажа построен в 1903 г. архитектором Ф.А. Когновицким. Один из лучших здесь домов, фасад которого оживлен лепными барельефами, – № 13 (1910 г., архитектор Н.Г. Фалеев). В 1907–1913 гг. в нем квартировали основатели Кружка любителей русской музыки Мария и Аркадий Керзины, который со временем превратился в крупную концертную организацию, широко пропагандировавшую русскую музыку.

С этим домом граничит большой жилой комплекс, выстроенный архитектором А.В. Ивановым (№ 15/7 по Остоженке) для Варваринского акционерного общества домовладельцев, которое приобрело этот участок у Мухановых в 1898 г. и сразу же начало строить жилой дом, возведенный в несколько приемов – в 1898, 1899 и 1904 гг. По отзывам современников, от мухановской усадьбы и всей обстановки «веяло седой стариной».

Мухановы владели участком еще в конце XVIII в. Из этой семьи вышел Петр Муханов, жестоко поплатившийся за отдаленную причастность к декабристским организациям. Он был отправлен на каторжную работу и, несмотря на неоднократные слезные просьбы родных, оставался в Сибири до смерти. Два сына владельца усадьбы Алексея Ильича Муханова – Александр и Владимир – часто встречались со многими литераторами. Гоголь неоднократно бывал здесь – братья были его друзьями. Пушкин после возвращения из ссылки часто виделся с братьями Мухановыми, сохранилось несколько записок к ним. Вот он пишет Владимиру: «Приходите ко мне завтра вечером в 8 часов; мы будем читать Годунова» или «Будь у меня вечером и привези Хомяковых» или Александру: «Милый мой Муханов, когда же свидимся мы, чтобы ехать к дяде – заезжай к Яру, я там буду обедать и оставь записку», – пишет Пушкин в феврале 1827 г. в доме Мухановых.

В существующем доме жили профессор Московской консерватории по классу фортепиано А.А. Ярошевский, учитель знаменитого музыканта Исайи Добровейна, у него училась и будущая певица В.В. Барсова, зачинатель жанра чтения со сцены, «вечеров рассказа», артист А.Я. Закушняк, архитектор В.Д. Дриттенпрейс, инженер В.Г. Шухов, историки М.Д. Довнар-Запольский и В.И. Пичета, писатель И.Г. Эренбург, искусствовед Б.Н. Терновец, биолог, один из основателей генетики в России, создатель института экспериментальной биологии Н.К. Кольцов, патологоанатом академик А.И. Абрикосов; там находились Московский математический кружок и редакция журнала «Математическое образование» во главе с профессором Б.К. Млодзеевским. До строительства этого комплекса здесь в 1880-х гг. жил художник А.Е. Архипов.

На противоположной стороне 2-го Обыденского переулка дом № 12 построен в 1913 г. (архитектор Н.И. Жерихов), а № 14 – в 1915–1916 гг. для гимназии Московского общества преподавателей (во дворе можно увидеть двухэтажную постройку, где находились гимнастический и актовый залы). В этом же переулке находилась еще одна гимназия – частная женская Е.Е. Констан, для которой в глубине участка № 9 в 1903 г. сооружено здание по проекту Л. Херсонского. В 1920-х гг. здесь помещалась школа-коммуна с индустриальным уклоном имени П.Н. Лепешинского, в которой учились дети многих советских деятелей.

2-й Ильинский переулок к церкви Ильи Обыденного. 1913 г.

Соседний **Пожарский переулок** (названный в честь полководца князя Д.М. Пожарского) в 1922–1993 гг. назывался Савельевским, по псевдониму А.С. Шелехеса, участника боев с войсками законного правительства в ноябре 1917 г., а до того – Савеловским, по фамилии дворян Савеловых, владельцев крупной усадьбы в нем (№ 7 и 9). Их старинные палаты сохранились (№ 7), они стоят торцом к переулку. Такое расположение жилого дома – один из распространенных приемов в средневековом русском строительстве. В конце XVII в. несколько участков здесь скупил брат патриарха Иоакима Тимофей Савелов, стольник царицы Прасковьи Федоровны, и в продолжение почти 150 лет это обширное владение не выходило из семьи Савеловых. Сохранился план усадьбы начала XIX в., на котором показан главный дом на холме, вниз спускался большой сад, где были два пруда, соединявшиеся небольшой протокой с деревянным мостиком над нею.

Ампирная обработка фасадов старинных палат принадлежит к 1810-м гг.: главный фасад украшен дорическим портиком, а на дворовом сохранились ионические пилястры. Дом этот, конечно, неоднократно перестраивался, меняя хозяев, потом он перешел к некоему штаб-ротмистру Заливскому. Как рассказывает Д.Н. Никифоров в книге «Старая Москва», это был «видный мужчина, пленявший в сороковых годах московских красавиц замоскворецкого типа. Влюбил в себя дочь богатого купца, заслужил благоволение отца. Старик купил на его имя большое имение с крепостными и обширный дом с усадьбой. Жена не показывалась в обществе, говорили, что она не нормальна» (и действительно, судя по ведомостям приходской церкви, она не появлялась на обязательной исповеди. – *Авт.).* В недолгом времени Заливские разорились, и усадьбу пришлось продавать. В 1873 г. она досталась с аукциона банкиру В.С. Марецкому, но он также разоряется, и дом переходит в 1876 г. Обществу поощрения трудолюбия при Императорском человеколюбивом обществе, устроившему в главном доме больницу для неизлечимых пациентов (она называлась Стрекаловской по фамилии попечительницы). При больнице была устроена и церковь Всех Скорбящих Радость. В других строениях усадьбы поместились различные благотворительные учреждения.

В 1926 г. в доме устраиваются квартиры, жильцы которых довели его до полуразрушенного состояния. Парк, в котором еще сравнительно недавно стояли старинные столетние деревья, интенсивно вырубался, а дом ветшал и разрушался.

Напротив, на территории сада, в 1989 г. построили первый здесь новый элитный дом (№ 7а).

На этом же участке позади палат в 1908 г. выстроен пятиэтажный жилой дом (архитектор П.А. Ушаков), в котором жили актеры братья И.М. Москвин и М.М. Тарханов. В семье Москвиных в начале 1920-х гг. жил артист Б.В. Щукин.

Напротив несколько солидных жилых домов – № 12, где жили друзья писателя М.А. Булгакова, который часто посещал их (этот дом с большой нишей в центре фасада построен в 1898 г. по проекту А.В. Иванова), № 10 с оригинальной двухцветной окраской (1910 г., архитектор Н.Г. Фалеев) и № 8, построенный в 1914 г. архитектором Н.И. Жериховым. Здание (№ 6) рядом с ним, сооруженное после пожара 1812 г., сохранило черты уютного загородного особняка.

Пожарский переулок известен знаменитыми жильцами. Один из них – великий русский критик Виссарион Григорьевич Белинский. Он переехал в одноэтажный деревянный дом, стоявший на месте современного № 8 (1914 г., архитектор Н.И. Жерихов) из Рахмановского переулка. «Я переменяю на днях свою гадкую квартиру», – писал он 15 сентября 1837 г. В книге регистрации жильцов этого дома было записано, что в нем живут «студент Виссарион Григорьевич Белинский, брат его Никанор Григорьевич, племянник Петр Петрович Иванов, крепостной мальчик Иван Федоров». У Белинского в начале 1838 г. жил его хороший знакомый, будущий теоретик анархизма М.А. Бакунин. «Если ты можешь жить в большой комнате и притом зале, – писал ему Белинский, – то у меня есть такая комната, и ты нисколько не стеснишь меня, занявши ее». В доме в Савеловском переулке Белинский жил с 1 октября 1837 г. по 31 марта 1838 г., до переезда в здание Межевого института на Старой Басманной.

В этом же доме жил библиограф, издатель «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, сочинений Пушкина, Лермонтова, Рылеева и других П.А. Ефремов. «Я коренной москвич, – писал он из Петербурга, – родился в Москве, в Савеловском переулке (2 ноября 1830 г.) и живу там доднесь, то есть гнездо там. Я учился в 1-й Московской гимназии и в Московском университете…»

С ранних лет Ефремов начал собирать книги, его библиотека постепенно выросла в одну из самых больших и замечательных русских частных библиотек. Она была особенно известна своими, как звали их, «ефремовскими конволютами», то есть сборниками самых разнообразных материалов на одну и ту же тему. Так, в свое издание «Сочинений» Радищева он вплел множество вырезок из газет и журналов, а также рукописных материалов об авторе, а, скажем, Пушкину были посвящены 20 таких объемистых конволютов.

Петр Александрович Ефремов

Вот как современник описывал жилище П.А. Ефремова: «Он занимал небольшой особнячок, все комнаты которого представляли из себя хранилище книг, гравюр и т. п. Книги,

преимущественно журналы, не помещавшиеся в комнатах, были сложены отдельно в сарае во дворе… Середину комнаты занимал очень длинный из простого дерева стол, покрытый темным коленкором и весь заваленный большими папками с гравюрами и литографиями. В глубине коридора, между окнами на улицу, стоял большой письменный стол… весь завален книгами и за ним, всегда с какой-нибудь книгой в руках, сидел хозяин дома». Замечательная библиотека П.А. Ефремова – более 20 тысяч томов, не считая брошюр, журналов и газетных вырезок – целиком не сохранилась, после смерти собирателя в 1908 г. она была вся распродана в разные руки.

Стоявший на месте современного жилого небольшой двухэтажный дом № 11 оказался связанным с медиками. Дом был построен в послепожарное время – он был изображен на первом архивном плане 1817 г. В 1876 г. его приобрел (и жил до 1894 г.) архитектор А.Л. Обер, известный своими постройками в Петровском переулке (№ 5), богадельней Баевых на Стромынке и другими зданиями. В этом доме перед Октябрьским переворотом жил известный микробиолог Л.А. Тарасевич. Окончив Новороссийский университет в Одессе, он продолжал образование в Париже у И.И. Мечникова. С 1907 г. Л.А. Тарасевич преподавал в Москве в университете и на Высших женских курсах, редактировал распространенный журнал «Природа», был блестящим лектором, а его перу принадлежит несколько солидных академических и учебных руководств и учебных пособий по патологии. Тарасевич активно участвовал в организации в Москве Дома песни – центра пропаганды камерной песни, вместе с выдающейся певицей М.А. Олениной д'Альгейм. В 1920-х гг. в этом же доме жил один из основоположников нейрохирургии Н.Н. Бурденко, тогда профессор Московского университета и руководитель факультетской хирургической клиники.

Пожарский переулок выходил к Остоженке зданием церкви Воскресения «Старой». На Остоженке были две Воскресенские церкви – «Новая», рядом на углу 1-го Зачатьевского, и «Старая», но обе они впервые упоминаются в документах под одним и тем же 1625-м годом. «Старая» деревянная церковь была отстроена в камне в 1680 г. В пожар 1812 г. она сильно пострадала, приход ее существенно уменьшился, содержать ее было нечем, и по консисторскому указу от 11 сентября 1816 г. церковь сломали, а участок отдали Алексеевскому монастырю, который и выстроил доходный дом (№ 11), теперь сломанный и замененный современным строением.

Пожарский и Обыденский переулки спускаются к Москве-реке, параллельно которой проходит **Курсовой переулок**, переименованный в 1922 г. из Нижнего Лесного. Старое его название обязано лесным складам на речном берегу, а новое – известным в истории московского просвещения Пречистенским рабочим курсам. Они были открыты в 1897 г. и пользовались большой популярностью. В некоторые годы на них училось до 1500 рабочих, и во время приема выстраивались длинные очереди желающих попасть на них. На курсах преподавали такие крупные ученые и деятели искусства, как историки В.И. Пичета и Н.А. Рожков, химик А.Н. Реформатский, физиолог И.М. Сеченов, артисты Е.Б. Вахтангов, А.И. Южин-Сумбатов, скульптор А.С. Голубкина и многие другие. Все преподаватели, а их насчитывалось до 200 человек, работали без всякого вознаграждения, да и сами курсы несколько первых лет своего существования обходились без помощи со стороны государства. Только с 1911 г. они стали получать ежегодную субсидию от города в 3 тысячи рублей.

На курсах было два отделения – низшее и высшее. На низшем обучались начаткам знаний – грамоте, письму, основам наук, а на высшем преподавались и более сложные предметы на трех отделениях – общественном, естественном и литературно-историческом. Слушатели курсов часто посещали лучшие московские театры – Художественный, Корша, Незлобинский, бывали в московских музеях, ездили на образовательные экскурсии в Крым, на Белое море, по Волге.

В начале 1905 г. Московское отделение Императорского русского технического общества, официальный организатор и покровитель курсов, арендовало у города землю для постройки собственного здания для них в Нижнем Лесном переулке (№ 17). Проект был заказан архитектору В.Н. Башкирову. Здание сохранилось, но, правда, оно требует большого ремонта.

В начале 1908 г. курсы уже переехали в новое здание. На трех его этажах помещались мужские и женские классы (обучение было раздельным), последний этаж отводился в основном для кабинетов физики и химии, там же находилась большая аудитория. На втором этаже была открыта первая в России публичная рабочая библиотека – после ареста прогрессивного издателя С.А. Скирмунта 8 тысяч томов его собрания перешли к Пречистенским курсам.

Дом Перцова

В 1912 г. слушателей курсов посетил И.Е. Репин, перед ними выступали М. Горький, А.Б. Гольденвейзер, В.И. Качалов, К.Н. Игумнов, Л.В. Собинов. Во время Первой мировой войны здание было занято под лазарет, в марте 1917 г. курсы возвратились сюда, а летом 1921 г. переместились в помещение бывшего Коммерческого училища на Остоженке (№ 38). Затем в здании располагалось постоянное представительство Узбекской ССР, а о его славном прошлом напоминает мемориальная доска.

В начале переулка находится архитектурная достопримечательность Москвы – так называемый дом Перцова. Он выходит и на Соймоновский (бывший Лесной) проезд, и на Пречистенскую набережную (№ 35). Дом был построен в 1906–1907 гг., причем та его часть, что выходит на Соймоновский проезд, представляет собой старый трехэтажный дом, возведенный в 1885 г. и надстроенный во время сооружения всего здания. Владелец участка, инженер П.Н. Перцов, любитель и коллекционер предметов искусства, решил построить дом, где бы располагались его квартира-особняк, студии художников и квартиры, сдаваемые внаем. В результате конкурса предпочтение было отдано проекту инженера Н.К. Жукова и художника С.В. Малютина. В «здании-сказке», как его называли, воплощении языческого праздника, щедро использованы приемы и мотивы русского зодчества – живописность объемов, высокие крыши-щипцы, полихромные вставки изразцовых панно. Интерьеры здания отличались высокой культурой исполнения. В парадных подъездах, на лестницах до сих пор сохранились прекрасные подставки для зеркал, вешалки, ограждения лестниц. Дом Перцова был любимым детищем С.В. Малютина, который прожил в нем до 1908 г. Весной этого года

во время наводнения погибли несколько его монументальных полотен, в том числе незаконченная картина «Куликово поле», хранившиеся в подвале.

Дом Перцова. Деталь

В другом его подвале 29 февраля 1908 г. родилась «Летучая мышь», кабаре-клуб, место отдыха артистов Художественного театра, ставшее позднее небольшим театром под руководством Никиты Балиева.

«Подвал был обставлен скромно, но уютно, – вспоминал артист Н.Ф. Монахов. – Скромная буфетная стойка с простыми вкусными домашними закусками. Маленькая сцена, на которой артисты Художественного театра изощрялись в показе различных «самодеятельных» номеров. В кабаре я впервые увидел великого Станиславского, который показывал на сцене фокусы». Как писали тогда, «каждый спускавшийся под свод оставлял в прихожей, вместе с калошами, печаль, снимал с себя вместе с пальто и заботы».

На верхних этажах дома находились мастерские художников: «Широкая мраморная лестница, на пятом этаже на двери табличка „Студии" и много звонков; против них – фамилии известных художников. В широкий длинный коридор выходили двери мастерских. Из одной неслись торжественные звуки органа. Это мастерская Александра Васильевича Куприна, и он играет на органе, который сделал сам…» Здесь же были мастерские художников П.П. Соколова-Скаля, Р.Р. Фалька и других. В 1910-х гг. в доме жил пианист К.Н. Игумнов. В первые годы большевизма тут облюбовали себе кабинеты Троцкий (кв. 11), военные деятели Подвойский, Мехоношин, Склянский.

На левую сторону Курсового переулка выходят задние фасады нескольких особняков, выстроенных по **Пречистенской набережной**. За домом Перцова – особняк (№ 35) владельца известной в Москве типографии, здание которой находилось в Трехпрудном переулке, А.А. Левенсона, построенный в 1897 г. архитектором К.Ф. Буровым. Рядом – похожий на него, также с рустом и башенкой, – особняк, выстроенный для себя «классным художником», архитектором И.А. Мазуриным в 1886 г.; за ним, также несколько в глубине от набережной, – красно-кирпичное здание (№ 33) с готическими деталями, занятое сейчас посольством Мадагаскара. Оно построено в 1896 г., как ни странным это может показаться, для нужд Сандуновских бань. Тогда владелица задумала их коренную перестройку, и на Неглинной по проекту Б.В. Фрейденберга выросло импозантное здание для магазинов, квартир и бань, а здесь, на берегу Москвы-реки, устроена водокачка, снабжавшая бани. Вот этот-то дом и был построен для нее тем же архитектором. Слева размещались паровые котлы, справа внизу стояли машины, а наверху были жилые комнаты обслуживающего персонала.

В.Е. Маковский. Иван Евменьевич Цветков. 1907 г.

По красной линии проезда набережной стоит одно из самых оригинальных московских зданий, похожее на искусно украшенный ларец (№ 29), где находилась «Цветковская галерея», история которой была исследована С.В. Кузаковым и опубликована в сборнике «Москва. Люди, проблемы, события» в 1997 г.

Иван Евменьевич Цветков, скромный служащий банка (постепенно выдвинувшийся в его руководители), заинтересовался русским искусством и, движимый примером П.М. Третьякова, решил собирать произведения русских художников. Но, не обладая возможностями Третьякова, он был вынужден ограничиться покупкой более доступных ему вещей – в его собрании было немало этюдов и подготовительных работ. Начал собирать он в 1880-х гг. и первые свои приобретения помещал в доме в Кривоарбатском переулке (№ 5). С ростом галереи Цветков задумался о постройке для нее специального здания и осенью 1898 г. приобрел на Пречистенской набережной пустопорожнее место, занятое складом мебельной фирмы «Тонет», «чудное по своему положению на берегу Москвы-реки, близ Кремля, близ храма Спасителя и близ шумного водопада бабьегородской плотины». Сам Иван Евменьевич в своих воспоминаниях, оставшихся неизданными и хранящимися в архиве, рассказывал, что он много лет изучал архитектуру русских зданий XVII в., надолго ездил в Ярославль и Ростов Великий, советовался с известными московскими архитекторами, но, в конце концов, «план дома и расположение комнат я составил себе сам, – вспоминал Цветков, – по своему вкусу и по своим потребностям, внешний же вид, все его четыре фасада сделаны по рисункам и указаниям моего доброжелателя художника В.М. Васнецова, по его же рисункам и указаниям сделаны все украшения дома, как изразцы, так и раскраска».

Техническую часть проекта и самого строительства, оконченного в мае 1901 г., обеспечивал, как видно, архитектор Б.Н. Шнауберт (или В.Н. Башкиров).

В 1909 г. И.Е. Цветков пожертвовал все свое собрание городу. В нем тогда насчитывалось почти 1500 рисунков и свыше 300 картин, но общедоступным музеем собрание стало только после кончины владельца (16 февраля 1917 г.). В доме сделали ремонт, и 16 августа 1917 г. комиссия городской думы во главе с И.Э. Грабарем приняла 429 живописных полотен, 1499 рисунков и 38 скульптур. В советское время, когда перетрясали всю систему музеев, цветковское собрание расформировали и передали экспонаты в различные музеи, а в доме разместили Музей восточных культур (до 1929 г.).

Современники неоднозначно отзывались и о доме, и о самом собирателе. Вот рассказ передвижника Я.Д. Минченкова о посещении галереи: «Дом Цветкова в русском стиле, дородный и тяжелый, олицетворял своего хозяина. Когда вы входили в вестибюль, навстречу появлялся сам Иван Евменьевич и ожидал вас на площадке лестницы, ведущей на второй этаж. На нем бархатный камзол, вроде боярского, а на голове расшитая золотом тюбетейка.

Совсем Борис Годунов. Вечером хозяин зажигал электрический свет в люстрах второго этажа, показывая гостю свою галерею и давая объяснения». Известны и неблагоприятные отзывы М.В. Нестерова и И.Э. Грабаря, а восторженный и увлекающийся Илья Ефимович Репин воскликнул: «Еще один драгоценный перл в диадему Москвы! И в каком царственном месте!»

Во время Отечественной войны тут находилась французская военная миссия. На стене мемориальная доска с надписями на французском и русском языках: «Вы жили не долго, но ярко» – в память 42 летчиков полка «Нормандия – Неман», павших во время Второй мировой войны.

Французские летчики воевали в СССР с марта 1943 г. и в продолжение двух лет провели почти тысячу воздушных боев, четверо из них стали Героями Советского Союза. В Москве на Введенском кладбище в 1964 г. установлен памятник неизвестному летчику полка «Нормандия – Неман», а на здании французской военной миссии в 1956 г. поставили мемориальную доску. Теперь дом занят резиденцией военного атташе Франции.

Далее по Пречистенской набережной большое производственное здание фирмы «Август Тонет» находится с левой стороны (№ 9 по Курсовому переулку), построенное архитектором Д.М. Виноградовым в 1897 г. Эта фирма была широко известна своей гнутой мебелью, называвшейся «венской». Стулья и иные предметы – легкие, прочные и удобные – были чуть ли не в каждой квартире и в каждом конторском помещении.

У пересечения набережной с 1-м Зачатьевским переулком находились бани, появившиеся здесь в 1818 г. Назывались они Новозачатейскими торговыми и просуществовали до советского времени. В 1920 г. бывшие банные здания приспосабливались для конного двора московской милиции.

На левом углу **1-го Зачатьевского переулка** строится новое здание (№ 13), заменившее собой внешне неинтересное, но богатое историко-бытовыми воспоминаниями, известное в Москве под именем «Голубятни». Как рассказывал Гиляровский, его выстроил богатый трактирщик, любитель голубей. На первом этаже трехэтажного дома находились лавки, на втором «дворянские» залы трактира с отдельными кабинетами, которые приглянулись революционерам, а на третьем – простонародный трактир с огромным залом. Над домом стояла обширная голубятня. Часть трактира отделялась под арену, где происходили запрещенные тогда петушиные бои.

Правый угол переулка образует сейчас небольшой скверик, на месте которого находилась церковь Воскресения «Новая», о которой исследователь московских церквей М.И. Александровский писал в начале XX в., что «церковь очень древняя, что видно по архитектуре главного здания; скорее всего, относится к XVI в. Нынешнее пятиглавие позднее, конца XVII в. В 1831 г. выстроена нынешняя западная часть храма – колокольня, трапезная и приделы Варвары-мученицы и Покрова (впервые известен с 1690 г.). Нынешний главный иконостас – 1872 г., придельные – 1900 г.». Далеко просматривались стройная колокольня, увенчанная высоким тонким шпилем, и роскошные резные кресты на ее пяти главах. Церковь эта, как и другая на Остоженке – Успенская, – пали жертвой строительной лихорадки при прокладке метро. Ее сломали в 1934 г.

Коробейников переулок, дом № 1

1-й Зачатьевский переулок в 1962 г. был переименован в улицу Дмитриевского в память героя войны, молодого лейтенанта, командира танковой роты, погибшего уже почти в самом конце войны, 11 марта 1945 г. (он жил в Курсовом переулке, д. 12 – вот здесь и надо было бы поставить мемориальную доску герою). В 1992 г. возвратили исконное название этого переулка, как и еще двух, произошедших от Зачатьевского монастыря, находящегося в квартале между 2-м и 3-м Зачатьевскими, Молочным и Коробейниковым переулками.

Первоначально на месте Зачатьевского стоял другой монастырь – Алексеевский, основанный около 1360 г. св. Алексием, митрополитом Московским, для своих сестер Евдокии и Иулиании. Монастырь имел и еще одно имя – Стародевичий, по старшинству своему между всеми девичьими московскими монастырями. По преданию, у южной стены стоял домик митрополита, в котором он останавливался, приезжая к сестрам, а они и похоронены были в монастыре. В пожар 1547 г. (или же после разорения Москвы ханом Девлет-Гиреем в 1571 г.) его постройки сгорели. В жалованной грамоте царь Михаил Федорович пишет: «При деде нашем Государе Царе и Великом Князе Иване Васильевиче всея Русии в том Зачатейском месте был монастырь Олексея человека Божия и к тому де монастырю дана была вотчина и на ту вотчину была у них жалованная грамота и после де Московсково пожару тот Олексеевской монастырь переведен в каменной город в Чертолье».

Перевели его поближе к городу, в угол, образованный крепостными стенами Белого города (там по приказу Николая I разрушили его постройки и в 1837 г. перевели на окраину Москвы для того, чтобы освободить место для храма Христа Спасителя), а на старом первоначальном месте в Остожье монастырь возобновили, но уже под другим именем – Зачатьевский. Царь Федор Иоаннович и царица Ирина не имели наследника престола и династии и в надежде произвести на свет такового основали между 1584–1585 гг. новый монастырь: «…блаженныя памяти государь Царь и великий князь Федор Иванович всея русии и государыня царица великая княгиня Ирина Федоровна на том месте за чертольскими вороты велели устроить монастырь и в нем храм зачатие Пречистыя Богородицы да в пределех свои ангелы святаго великомученика Федора стратилата и святыя мученицы Ирины, да другой храм рожества Пречистыя Богородицы да в пределе святаго великаго чудотворца Олексея Митрополита».

Так как монастырь пользовался расположением царя, то ему определили ругу, то есть жалованье: «Руги хлебныя по двенадцати четвертей ржи и овса, да денежные руги по два

рубли, да по два пуда соли, да по осетру рыбы, да по полу-осмине гороху, да по полуосмине конопель старице на год». При Петре I монахини были вынуждены заняться полезным трудом – царь не любил бездельников и заставил их изучить прядильное дело, которым они занимались и позднее, а также призревали офицеров и солдат-ветеранов. Так, например, сообщалось, что в монастыре жил морского флота прапорщик Данило Петров 57 лет, который «имеет три раны, рукоделия никакого не имеет, от ран в голове имеет шум и стрельбу, в животе резь и чахотку».

В 1696 г. стольник Андрей Леонтьевич Римский-Корсаков, чей дом находился рядом с монастырем, построил надвратную церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа (ее адрес – 2-й Зачатьевский переулок, 2), которая многие годы считалась как бы домовой у Римских-Корсаковых, но после долгих препирательств и разборов монастырских претензий на право отправлять службы (и получать деньги) в этой церкви ее все-таки отобрали у Римских-Корсаковых и передали в монастырское ведение.

В 1765 г. А.М. Аничкова получила разрешение построить на свои средства церковь Неопалимой Купины на месте старинного здания, где жили основательницы монастыря. К началу XIX столетия монастырь получил средства для строительства нового большого собора, и в 1805 г. началось возведение огромного храма в псевдоготическом стиле архитекторами отцом и сыном Казаковыми – Матвеем Федоровичем и Матвеем Матвеевичем, строительство закончили в 1807 г., но отделка храма была отложена из-за войны 1812 г. и закончена лишь через два года. Последней, возведенной в Зачатьевском монастыре, была больничная церковь Сошествия св. Духа, выстроенная в 1844–1850 гг. на средства полковницы В.М. Головиной архитектором М.Д. Быковским (восстановлена в 2004 г.).

Зачатьевский монастырь упоминается Буниным в его рассказе «Чистый понедельник»: «Недавно я ходила в Зачатьевский монастырь – вы представить себе не можете, до чего дивно поют там стихиры!»

Монастырь, в храме которого 16 марта 1925 г., за 9 дней до кончины, служил свою последнюю литургию патриарх Тихон, был закрыт, и многие его строения обращены в «трудкоммуну для беспризорных», впоследствии в них помещались различные учреждения. В 1933–1934 гг. главный собор снесли и на его месте построили стандартное здание школы. На территории сохранились некоторые постройки: при входе в монастырские ворота с правой стороны стоит здание настоятельских покоев, с левой – кельи, к западу – здание трапезной с больничной церковью, а вокруг еще остались стены монастыря, для возведения которых использовался камень от разобранной древней церкви Николы, что в Киевцах. Многие строения теперь отремонтированы, в церквах проходят службы. В 2006 г. Синод одобрил проект строительства Рождественского монастырского собора, который освятили в ноябре 2010 г.

В узких, извилистых переулках, окружающих монастырские строения, немного интересных архитектурных или исторических достопримечательностей. Так, в снесенном доме № 6 в 1-м Зачатьевском переулке в 1905 г. находился Союз рабочих печатного дела, первый легальный профсоюз, образованный после митинга 19 октября в здании консерватории. В этом же переулке, в доме № 13, построенном архитектором А.В. Самойловым для кооператива «Научный работник», жил с 1931 г. до кончины в 1944 г. С.И. Мицкевич, один из основателей московского Рабочего союза – ранней марксистской организации. По специальности он был врачом, и, когда его сослали в 1897 г. в Якутию, В.И. Ленин сразу же откликнулся: «Сергей Иванович писал мне, что берет с удовольствием место врача в Средне-Колымске. Я думаю, что он прав. Лучше же быть за делом: без этого в ссылке пропадешь. А за $2^1/_2$ тысячи прожить-то, наверное, можно там сносно». Речь идет о том, что при отправке в ссылку Мицкевичу предложили быть врачом, а так как известно, что царские сатрапы создавали поистине невыносимые условия для ссыльных, и, конечно, как пишет его биограф, он был «очень

сильно ущемлен в правах, и ему основательно урезано жалованье. Но и это не поколебало его решения, он немедля выехал к месту новой ссылки…». С 1918 г. Мицкевич жил и работал в Москве. Он возглавлял комиссию по собиранию и изучению материалов по истории революции, был организатором и первым директором Музея революции.

2-й Зачатьевский переулок резким изгибом уходит вниз от небольшой площади. В переулке был наиболее интересен дом № 11, построенный, вероятно, в конце XVIII в. В начале следующего столетия он принадлежал С.В. Руссову, плодовитому тогда, но малоизвестному теперь писателю.

3-й Зачатьевский еще совсем недавно был заполнен вросшими в землю, полуразвалившимися деревянными домишками. Сейчас многие из них исчезли и на их месте расстилаются зеленые газоны. В этом переулке в доме № 18 в 1870-х гг. жил историк русской литературы Н.С. Тихонравов. Здесь же в тихом и зеленом районе снял небольшой особнячок (№ 3) Ф.И. Шаляпин.

Дочь его Ирина вспоминала об этом времени: «В 1904 г. родился брат, в честь любимой роли Федора Ивановича Бориса Годунова брата назвали Борисом… В этот день мне запомнился отец – счастливый, радостный, несущий на руках по широкой лестнице мать, одетую в белое, воздушное, украшенное кружевами и лентами платье (столовая находилась на первом этаже, а комната матери – на втором). Жизнь в Зачатьевском переулке становилась все оживленнее, круг друзей Федора Ивановича все расширялся. В большом зале, где стоял рояль и где работал отец, В.А. Серов написал его портрет углем, во весь рост. Отец охотно позировал Валентину Александровичу, а в перерывах, когда они отдыхали, моя мать угощала их чаем».

В какой-то из неприхотливых домиков 3-го Зачатьевского переулка, возможно в тот же дом № 3, переехала Анна Ахматова осенью 1918 г. из Петрограда вместе с мужем В.К. Шилейко, выдающимся ученым-востоковедом. В Москве тогда был написан цикл стихотворений «Черный сон», в него включено стихотворение, которое так и называется – «Третий Зачатьевский»:

Переулочек, переул…
Горло петелькой затянул.

Тянет свежесть с Москвы-реки,
В окнах теплятся огоньки.

Как по левой руке – пустырь,
А по правой руке – монастырь.

А напротив – высокий клен
Ночью слушает долгий стон.

Покосился гнилой фонарь —
С колокольни идет звонарь.

Мне бы тот найти образок,
Оттого, что мой близок срок,

Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.

Правую сторону 2-го Зачатьевского переулка на большом его протяжении образует задний фасад одной из самых неудачных здесь новостроек – так называемого «Опера-хаус» (2001 г.), большого здания, в части которого находится оперный центр Галины Вишневской, а кроме него, там же и элитные квартиры, подземный гараж, фитнес-центр, бассейн и пр. Автор его М.М. Посохин, известный своими уродливыми произведениями, и тут произвел на свет некую смесь «французского с нижегородским» – тут и балконы, и лепнина, и рельефы, и колонны, и, конечно, обязательный портик, прилепленный к фасаду. Апофеоз безвкусицы.

С 3-го и 2-го Зачатьевских переулков за газоном виден двух-трехэтажный дом, давно затянутый сеткой (адрес его по Остоженке, № 19, строение 2). Это архитектурный и исторический памятник федерального значения, доведенный до полуразрушенного состояния, – редкие в Москве каменные палаты XVII в., которые еще сохранили первоначальную планировку и следы декоративных украшений. Возможно, они находились на территории усадьбы Римских-Корсаковых, благотворивших монастырю.

Петр Васильевич Киреевский

Известно, что в начале XVIII в. эти палаты принадлежали подьячему Григорию Левонову, хотя и можно предположить, что какое-то время они были связаны с Зачатьевским монастырем.

В конце 1836 г. дом приобрел Петр Васильевич Киреевский. Первый собиратель русского народного творчества, он «с палкою в руке и котомкой на плечах отправился странствовать пешком по нашим селам и деревням, вдали от больших дорог, туда, где следы старины сохранились живей и ярче, неутомимо собирая народные песни, пословицы, сказанья, изучая народный быт и нравы, стараясь разглядеть и понять обломки давно прошедшей народной русской жизни». К сожалению, он не увидел всех результатов своей работы напечатанными. Киреевский скончался в 48 лет и похоронен рядом со старшим братом Иваном в Оптиной пустыни.

«Дом был каменный, двухэтажный, старинный, – описывал его современник, – с железной наружной дверью и с железными решетками у окон каждого этажа, точно крепость. Он стоял в тенистом саду без дорожек, на улицу выходил лишь сплошной забор с воротами».

Киреевский жил на втором этаже, «где помещалась большая комната вроде залы, с неровным щелистым полом, служившей и приемной для гостей, и рабочим кабинетом. Мебели всего было ветхий диван у глухой стены, придвинутый к окну, а против него деревянная коробья (старинный сундук, окованный железом), запертая висячим замком; у стены против окна дубовый шкаф с книгами; у дивана большой четырехугольный стол и вдобавок ко всему полдюжины разнокалиберных стульев и кресел…».

Между бывшим Зачатьевским монастырем и набережной Москвы-реки находятся еще два переулка. Один из них – **Молочный**, название которого историк-москвовед П.В. Сытин объясняет тем, что здесь в начале XIX в. находился молочный рынок, что вызывает сомнение: известий о таком узкоспециализированном рынке в Москве нет.

Дом № 5 имел статус «памятника архитектуры» – это было деревянное строение начала XIX в. (надстроен вторым этажом в 1884 г.) со скромными украшениями на втором этаже в стиле модерн, сделанными в 1903 г. На первом этаже этого дома жил художник В.Е. Попков. В последнее время другой житель этого дома, тоже художник, Евгений Филатов, правнук владельца дома, купца Зигфрида Таля, хотел устроить здесь музей Попкова. Он довольно долгое время сопротивлялся выселению, но потерпел поражение. Дом горел, долго стоял без крыши, и теперь вместо него выстроен некий заменитель.

На участке № 9/14 в несохранившемся доме в 1880– 1890-х гг. квартировал русский философ-утопист Н.Ф. Федоров. «Его комната была так тесна, – вспоминал С.Л. Толстой, побывавший у него по поручению отца, – что кровать, если можно назвать кроватью какие-то доски, упиралась обоими своими концами в стену. Накрывался он своим единственным потертым пальто, служившим ему и летом, и зимой. Свое библиотекарское жалованье он раздавал бедным и, как мне говорили, отказывался от выслуженной им прибавки». Этот дом находился на углу с **Коробейниковым переулком**. Ныне на обоих его углах с Молочным – два солидных кирпичных здания, выстроенные в одно и то же время – в 1901 г. Одно из них – левое (№ 16/10) – перестроено для посольства Хорватии, а второе – правое (№ 14/9) – для посольства Кот-д'Ивуар (Берег Слоновой Кости).

В этом переулке на участке (№ 5; он выходил и в соседний 2-й Ушаковский переулок, то есть в Хилков переулок под № 8) в небольшом доме с 1896 г. до самой смерти в 1915 г. жил знаменитый ученый, лингвист и литературовед Федор Евгеньевич Корш, профессор Московского университета, член многих зарубежных ученых сообществ, знаток десятков языков, и в числе их весьма редких. Рассказывали, как он как-то в Москве встретил цирковую процессию со слонами, с которыми шли погонщики-индусы, переговаривающиеся между собой. Он подошел к ним и заговорил на их языке, что поразило и даже испугало индусов. Оказалось, что они говорили на редком и в Индии диалекте.

В доме № 22 в 1880-х гг. жили артисты А.П. Ленский и А.И. Южин-Сумбатов.

В начале переулка, на месте производственных зданий, стоит жилой дом под названием «Кристалл-Хауз» (2005 г., архитектор Ю. Григорян) с дорогими квартирами. Название этого переулка произошло от фамилии владельца старинной усадьбы (№ 1), тяглеца гостиной сотни Федора Коробейникова. Раньше Коробейников переулок назывался 1-м Ушаковским, как и 2-й и 3-й Ушаковские, по фамилии владельца этой же усадьбы коллежского советника А.С. Ушакова. Главный дом ее сохранился – это двухэтажное здание (№ 1, строение 4), стоящее торцом к переулку, перестроенное в 1882 г. На рубеже XVIII и XIX вв. усадьба принадлежала надворной советнице Прасковье Андреевне Ушаковой. По воспоминаниям, в гостеприимный дом «тетушки Ушаковой» часто съезжались многочисленные гости, в числе которых была Настасья Федоровна Грибоедова с детьми – Марией и Александром, будущим знаменитым поэтом, и ее племянник Василий Аполлонович Ушаков, автор нескольких повестей, знакомый с Пушкиным.

В 1820 г. усадьба была приобретена купцом А.Т. Тарасенковым, брат которого был лечащим врачом Н.В. Гоголя.

В середине XIX в. ушаковская усадьба перешла к купцу И.П. Бутикову (по нему назван **Бутиковский переулок**; на плане 1843 г. у него любопытное название – Урочище Киевец), застроившему ее несколькими корпусами текстильной фабрики, ставшей одной из крупнейших в Москве. В 1868 г. на ней (там были бумаго-, шерсто-, шелкопрядильное и красильное производства) работали 1700 человек (и еще «на стороне» было занято почти 1500 работ-

ников); вырабатывались в основном саржа, сатин, камлот на сумму 1 миллион рублей. В советское время это была Москворецкая фабрика имени Молотова. В доме № 12 в 1930-х гг. жил писатель А.Г. Малышкин, о котором писал Солженицын: «Он почти забыт на родине, а за границей вовсе неизвестен. Это несправедливо, ибо он был из ярких, чутких авторов того ломкого времени и нервно переплетен с его темами, тревогами, помехами, жизненными и художественными поисками». В Бутиковском переулке, в строении, находящемся в глубине двора дома № 11, в 1937 г. родился и жил филолог, специалист по позднеантичной и раннехристианской эпохам, академик С.С. Аверинцев. По словам его вдовы, «это был трехэтажный дом, в первых двух этажах были отдельные квартиры, которые прежние владельцы этого дома сдавали, а на третьем этаже была квартира, рассчитанная на троих: хозяина, хозяйку и прислугу. После революции в эту квартиру вселилось невероятное количество народа. Когда я вышла замуж за Сергея Сергеевича, в квартире проживало 23 человека. До войны и сразу после войны там было 45 человек, мне называла свекровь такую цифру».

Есть описание этой квартиры в Интернете более поздних лет: «Я помню коммуналку уже несколько другой – без байронических страстей, кровопролитий и доносов, а только с расписанием дежурств по коридору, огромным листом на туалете, призывавшим сливать воду и непременно гасить свет, и трескучим телефоном – одним на весь этаж. Говорить больше пяти минут было невозможно. Из просторной общей кухни дверь вела на черный ход, заставленный корзинами, банками с солениями, велосипедами и всякой рухлядью, которая превращала обычную лестницу в темный лабиринт. Лабиринт, увы, никуда не вел – снаружи ход был забит досками».

Сергей Сергеевич Аверинцев

Вокруг обстановка тоже не была особенно благоприятной для мальчика Аверинцева. Философ Григорий Померанц вспоминал в некрологе Аверинцева: «В нашем переулке жили рабочие фабрики. Когда мы познакомились, я спросил Сергея: „Вас били маленьким?" – „Да, били". – „Значит, вас били уже дети тех, кто драл меня за волосы". Я с моей шевелюрой и Сережа со своим беззащитным видом слабого ребенка будили в этих детях трущоб зверей. Хотя Сережа принадлежал к тому же роду-племени, что и они» (но в этом можно и поспорить с мемуаристом).

Как-то Сергея – еще мальчика – спросили, где для него его родина. Он с необычной горячностью подбежал к двери их комнаты в коммунальной квартире, провел ногой черту по приступку двери и сказал: «Вот где кончается моя родина». Он сызмала признавал только интеллектуальную атмосферу своей семьи, все другие с их неизбывной грязью, склоками, драками, доносами, вся эта человеческая лебеда была чуждой для него.

Теперь тут, на месте нескольких домов и просторных дворов между ними, одно строение под № 5. Вообще переулок радикально поменял свой облик, он почти полностью

застроен новыми современными домами. Среди интересных построек в переулке (Бутиковский переулок, 3) – комплекс «Медный дом» (Copper House архитектора Сергея Скуратова) из трех прямоугольных объемов, построенный в 2003–2004 гг. Он получил такое название по необычному оформлению – «состаренным» медным листам неприятного ядовито-бирюзового цвета. Особенно интересна обработка фасадной стены стеклянными панелями, поставленными под разными углами. Рядом – еще одна постройка того же автора (Бутиковский переулок, 9—13), интересная отделкой фасадов. На другой стороне переулка – также необычное строение (Молочный переулок, 1). Это дорогой жилой дом архитектора Юрия Григоряна (архитектурное бюро «Меганом», 2000–2002 гг.), плавной и в то же время упругой, как бы натянутой дугой отметивший пересечение двух переулков перед небольшим газоном. Старый переулок стал более похож на улицу богатого квартала для избранных небольшого европейского города, к которому можно отнести слова «чужие здесь не ходят». Здесь нет прохожих, не играют дети, никто не смотрит из окон, нет магазинчиков, все пусто…

Хилков переулок (бывший 2-й, а также Средний Ушаковский) назван по фамилии княгини Хилковой, владевшей в 1756–1762 гг. участком на углу этого переулка и Остоженки. В это же время ближе к Москве-реке находилось «огородное порожнее место генерал-майора князя Голицына». Здесь к середине 1820-х гг. был построен существующий ныне дом (№ 3), принадлежавший В.Я. Есиповой, знакомой А.С. Пушкина. С 1 января 1828 г. дом и обширный сад перед ним наняло «акционерное общество для учреждения заведения Искусственных минеральных вод в Москве» и устроило здесь лечение этими водами. Одним из организаторов и акционеров этого заведения был известный врач профессор Московского университета Христиан Лодер. Состоятельные пациенты съезжались рано утром пить воды, а затем прогуливались в саду, на случай же плохой погоды около дома была устроена большая терраса. Бедным пациентам воды отпускались бесплатно.

Заведение это было весьма популярно в Москве. А.Я. Булгаков, оставивший в своих письмах к брату в Петербург целую картину быта и нравов москвичей, так описывал посещение его: «Давно обещал я Лодеру, да и самому хотелось посмотреть заведение искусственных вод. Встал сегодня в 6 часов и отправился, позавтракав, туда. Там нашел я Лодера, который в меня впился и все мне прекрасно показал, но продержал почти все утро. Надобно сознаться, что все устроено прекрасно, по-моему, лучше, нежели в Карлсбаде; есть комнаты в доме, галерея с защитою от солнца и дождя, род террасы и, кроме того, обширный сад. Я нашел множество дам и кавалеров, более 130 человек. Я уверен, что это заведение процветает, как дилижансы».

Мемуарист Ф.Ф. Вигель рассказывал: «Старый и знаменитый Лодер с помощию молодого доктора Енихена завел первые в России искусственные минеральные воды. Они только что были открыты над Москвой-рекой, близ Крымского брода, в переулке, в обширном доме с двумя пристроенными галереями и садом. Как же мне было не воспользоваться сим случаем? Всякой день рано поутру ходил я пешком со Старой Конюшенной на Остоженку. Движение, благорастворенный утренний воздух, гремящая музыка и веселые толпы гуляющих больных (из коих на две трети было здоровых), разгоняя мрачные мысли, нравственно врачевали меня не менее чем мариенбадская вода, коей я упивался… Новизна, мода обыкновенно влекут праздное московское общество, как сильное движение воздуха все гонит его к одному предмету. Потому-то сие новое заведение сделалось одним из его увеселительных мест». С именем Лодера связывают появление в русском языке слова «лодырь» – простой народ, наблюдавший из-за решетки прогуливающихся пациентов, называл их, якобы по фамилии врача, лодырями. Однако в русском языке слово «лодырь» бытовало давно и вне всякой зависимости от Х. Лодера.

«Заведение искусственных минеральных вод» находилось здесь до начала 1870-х гг. В 1880 г. участок приобрел сын основателя И.И. Бутиков, который ближе к берегу Москвы-реки построил фабричные здания. В старом же доме с 1874 г. поместилась гимназия С.Н. Фишер, единственное тогда женское учебное заведение с программами мужских гимназий – там серьезно изучались и древние языки, и математика. В декабре 1883 г. на музыкальном вечере здесь побывал П.И. Чайковский, который вспоминал, что был очень тронут овацией, сделанной ему ученицами гимназии. В 1911 г. дом перешел к Обществу бывших воспитанниц гимназии Фишер, которое на собранные и пожертвованные средства приобрело его у дочери Бутикова А.И. Дерожинской. В 1920-х гг. в этом здании помещались Военно-политические курсы РККА. Рядом, на территории усадьбы, выходившей углом на Остоженку, стоял небольшой дом (№ 7), принадлежавший военному ведомству, где в 1920-х гг. жил А.И. Верховский, автор многих работ по военной истории и теории. Он сыграл видную роль после Февральской революции, был военным министром Временного правительства, но в конце концов перешел на сторону большевиков, что не спасло его от нескольких арестов и расстрела в 1938 г. Главный дом этой усадьбы (№ 37 по Остоженке) – замечательный ампирный особняк – дошел до нашего времени. Он был построен в послепожарное время – в 1819 г. С 2 октября 1826 г. этот дом у тогдашнего владельца коллежского асессора Д.Н. Федорова снял Сергей Тимофеевич Аксаков, но прожил там недолго: уже в будущем году он переехал по соседству, в Полуектов переулок (№ 5–7). Мать знаменитого писателя Варвара Петровна Тургенева в 1840 г. наняла этот дом и участок у гиттенфервальтера 10-го класса (то есть управляющего; так по-немецки назывался чин горного ведомства) Н.В. Лошаковского и прожила в нем до кончины в 1850 г.

Дом В.П. Тургеневой (ул. Остоженка, 37)

В мае 1841 г. И.С. Тургенев после семилетнего отсутствия возвратился в Москву; за это время скончался отец, мать продала дом на Садовой-Самотечной и наняла дом на Остоженке. Варвара Петровна получила большое наследство от дяди, надворного советника Ивана Ивановича Лутовинова (устроитель усадьбы Спасское-Лутовиново), который жил рядом, через переулок, в доме № 35/1.

У Тургенева своя комната была на антресолях, низкая, теплая, с окнами в запущенный сад. Каждое произведение 1840–1850 гг. было так или иначе связано с этим домом: «Нахлебник», «Холостяк», «Разговор на большой дороге», «Провинциалка», этот дом был описан им и в повести «Муму»: «В одной из отдаленных улиц Москвы, в сером доме с белыми колон-

нами… жила некогда барыня, вдова, окруженная многочисленною дворнею. День ее, нерадостный и ненастный, давно прошел; но и вечер был чернее ночи».

На Остоженке родится его дочь от московской мещанки Пелагея-Полина, позднее воспитывавшаяся в семье Полины Виардо. В этом доме разрешился наследственный спор между матерью и ее сыновьями, лишенными ею средств.

В начале XX в. домом и участком при нем владеет Московский совет детских приютов, главный дом которого стоит напротив, на углу с Еропкинским переулком (№ 36). Совет этот разместил в особняке бесплатную детскую лечебницу имени Александра III.

В 1914–1915 гг. по этому адресу жил художник В.Е. Татлин, и у него там была мастерская, где работали многие молодые художники нового направления – Н. Роговин, А. Веснин, В. Ходасевич, Н. Удальцова и др.

В советское время после всех революций, войн и разрухи дом все-таки выстоял, хотя и находился, как писалось в отчете Н.Д. Бартрама в 1921 г., в плачевном виде: «Состояние дома внутри – невообразимо отчаянное». В последние годы в доме находился Главспортпром. Еще в 1992 г. вышло постановление о создании музея, но он открылся как филиал музея А.С. Пушкина 8 октября 2009 г.

На другом, правом углу переулка и Остоженки до 1812 г. была усадьба (№ 35/1) двоюродного деда И.С. Тургенева Ивана Ивановича Лутовинова, оставившего значительное наследство его матери, Варваре Петровне. В существующем доме (построен в 1904 г.; ныне значительно перестроен) во время поступления в консерваторию жил Александр Скрябин со своей тетушкой, не чаявшей души в нем. В 1910-х гг. здесь жил известный историк-славист В.И. Пичета, который в советское время был объявлен «врагом пролетарской диктатуры» и членом контрреволюционной организации ученых.

Здесь жил и врач С.С. Голоушев (1855–1920), который был не столько медиком, сколько почти профессиональным художником и театральным критиком и историком театра.

В 1880-х гг. в доме № 8 в Хилковом переулке квартировал художник Сергей Васильевич Иванов, автор картин, изображавших тяжелую жизнь крестьян-переселенцев.

О третьем по счету Ушаковском переулке последний перед Октябрьским переворотом московский путеводитель 1917 г. написал такие слова: «Тихий, опрятный, дышащий провинцией уголок Москвы, в стороне от шумнаго движения; летом по обочинам тротуара здесь вырастает зеленая травка, зимой днями лежит чистый снег – явление редкое на проезжих улицах Москвы». С 1922 г. он также переменил свое название. Теперь это **Турчанинов переулок** – по фамилии владельца участка № 2–4 подпоручика Сергея Турчанинова. На этом участке, перешедшем к капиталистам-старообрядцам Рябушинским, в 1907–1911 гг. построена Покровская церковь – изящное переложение мотивов псковской архитектуры, сделанное архитекторами В.Д. Адамовичем и В.М. Маятом.

В соседнем владении (№ 6) двухэтажное деревянное здание по красной линии было построено по проекту архитектора А.Д. Никольского в 1874 г., и тогда же строилось также двухэтажное деревянное здание в глубине двора.

В этом домовладении в 1878–1881 гг. жил художник В.М. Васнецов, в квартире, найденной для него Е.Г. Мамонтовой. Его младший брат Аполлинарий рассказывал, что первое время им было трудно: «Петербургские деловые связи были порваны, а московские еще не налаживались. Разные штуки мы придумывали, чтобы кормиться, а я у него был как бы заведующий хозяйством». Тут художник закончил картину «После побоища Игоря Святославича с половцами». В 1880 г. картина была выставлена на очередной Передвижной выставке. Крамской писал тогда Репину: «…трудно Васнецову пробить кору рутины художественных вкусов. Его картина не скоро будет понятна. Она то нравится, то нет, а между тем вещь удивительная».

В 1898 г. участок приобрел известный и плодовитый архитектор А.В. Иванов, работавший и в Петербурге и в Москве. Он – автор таких зданий, как гостиница «Националь», страховое общество «Россия» на Лубянской площади (перестроенное для тайной полиции), торговый дом Морозовых на Варварке (снесенный в советское время), и еще нескольких десятков офисных и жилых зданий. Недавно дом в Турчаниновом переулке был полностью перестроен в старых формах.

На углу Турчанинова переулка и Остоженки – небольшой красивый одноэтажный особняк (№ 51), внешне похожий на своего соседа по улице (№ 49), но если последний включен в фундаментальный труд по архитектурным памятникам Москвы как образец стиля ампир, то о первом мало что известно, за исключением того, что он дважды полностью перестраивался, в последний раз в 1914 г. архитектором С.Е. Чернышевым в формах, подражающих русскому ампиру. Здесь в декабре 2010 г. на здании Службы внешней разведки открыта мемориальная доска шпиону англичанину Киму Филби, предававшему свою родину на протяжении многих десятков лет.

На другой стороне Турчанинова переулка среди зелени скрываются постройки первого в Москве открытого бассейна, появившегося в 1957 г. Здесь, близ лугов, и находились известные в Москве «Государевы Остоженские конюшни», и, как было отмечено в одном из старинных документов, вокруг них селились стремянные, стадные, задворные конюхи, конюшенные сторожи, конские и уздяные мастера, колымажники и подковщики. Конюшни эти дожили до второй половины XVIII в.: еще в 1763 г. в газете «Московские ведомости» появлялось такое объявление: «Сего марта с 8 числа до полуночи от 10 часа начнется продажа разных пород жеребцам, кобылам и меринам, и продолжаться имеет по понедельникам, четвертками и суботам каждую неделю; охочим людям являться в Остоженной конюшне».

Вскоре конюшни обветшали, их снесли, а обширное место пожаловали шталмейстеру Муханову, который в 1818 г. продал его генерал-майору А.А. Тучкову. По рассказам дочери, он вообще любил строить и здесь задумал возвести большой дворец.

Он был выстроен в 1818–1819 гг. (проект архитектора А.Г. Григорьева), но через два года продан графу А.Г. Головкину, после смерти которого наследники граф Юрий Головкин и графиня Генриетта де Брюж продали и дом, и все имущество брата. Они объявили в газете «Московские ведомости» 25 февраля 1825 г.: «Сим извещается Почтеннейшая Публика, что с позволения Правительства, по воле Гг. наследников после покойного Графа Алексея Гавриловича Головкина, будут продаваться с аукционнаго торга в доме его, состоящем в Пречистенской Части на Остоженке, близь Крымскаго броду, разныя золотыя и серебряныя вещи, брилианты, перстни, табакерки, часы столовыя и карманныя, картины, эстампы, мраморныя фигуры, библиотека, кантелябры, жирандоли, вазы, бронза, люстры и прочее. Все оное самого лучшаго достоинства и работы».

Сам дом продавался за небольшую для него сумму – 80 тысяч рублей. По этому поводу А.Я. Булгаков писал брату в Петербург: «Ничто не доказывает так безденежье теперешнее, как дом этот. Он продается за 80 т., а верно на 200 т. не сделать все то, что теперь есть. Это дворец, а не дом».

Дворец великого князя Михаила Павловича. 1832 г.

В октябре 1831 г. его приобрели для Елены Павловны, жены великого князя Михаила Павловича. Дворец был перестроен и увеличен (в работах участвовал архитектор О.И. Бове). Некоторые строения на большом участке сдавались внаем – так, тут жил поэт, музыкант В.Ф. Одоевский.

В 1873 г. дом перешел к лицею в память цесаревича Николая. Это было частное учебное заведение, основанное на Большой Дмитровке известным публицистом М.Н. Катковым и его сотрудником, профессором Московского университета П.М. Леонтьевым. В лицее, получившем имя рано умершего наследника престола, старшего сына императора Александра II, можно было получить как среднее, гимназическое, образование, так и высшее, университетское. Катковский лицей, как он обычно назывался, пользовался высоким авторитетом, преподавание в нем было поставлено образцово.

Однако вскоре после покупки бывший Тучковский дом сгорел, и для лицея в 1875 г. построили по линии Садового кольца новое здание (проект архитектора А.Е. Вебера; теперь там Дипломатическая академия МИД).

Некоторые строения старого Тучковского дворца приспособили под семейные квартиры служащих, но к 1896 г. все обветшавшие здания снесли и выстроили одноэтажный дом (Остоженка, 53а) для сотрудников лицея, который находится на углу с недавно проложенным проездом от набережной к Остоженке. Этот проезд образовался после того, как старый Крымский мост решили заменить новым, и, пока его строили, старый мост передвинули вниз по течению и проложили от него так называемый Новокрымский проезд. На месте же бывшего лицейского сада в 1956 г. открыли бассейн «Чайка».

Глава II
Зубово и Чертолье

Между Остоженкой и Пречистенкой

Между двумя крупными радиальными магистралями, ведущими в юго-западные районы столицы, протянулись восемь параллельных переулков. Они были ареной ожесточенных боев в октябре-ноябре 1917 г. Отряды красногвардейцев продвигались по Пречистенке и Остоженке для захвата одного из основных узлов сопротивления защитников законного Временного правительства – здания штаба Московского военного округа.

Здесь, на участке (№ 5), занятом стоянкой машин (отнюдь не лучшее использование драгоценной городской земли в центре), стоял небольшой домик, где в коммунальной квартире жил Е.П. Петров, соавтор И.А. Ильфа по роману «Золотой теленок». Квартира и была описана там под именем «Воронья слободка». После этого долго еще переполненные московские, да и не только московские квартиры назывались «Вороньими слободками». Современник автора вспоминал: «Такое название Евгений Петрович сперва дал своему реальному жилищу, а потом уже перенес его в роман вместе с похожим описанием обстановки и обитателей этой квартиры. Были в действительной „Вороньей слободке" в Кропоткинском и „ничья" бабушка, и „трудящийся Востока – бывший грузинский князь", и многие другие персонажи, описанные в романе».

Самый большой из переулков – **Кропоткинский** – продолжается и за пределы описываемого района. Название ему было дано в 1921 г. в честь ученого и анархиста П.А. Кропоткина, родившегося в одном из его домов. Старое название части переулка между Пречистенкой и Остоженкой – Стадная Конюшенная, Стадный, от слободы «стадных» конюхов Остоженского конюшенного двора, расположенного неподалеку. У другой части переулка – от Пречистенки до Большого Левшинского – были другие названия – Казаринов, Языков – по фамилиям домовладельцев. В конце XVIII – начале XIX в. весь переулок именовался Статным и потом Штатным.

На отрезке Кропоткинского переулка до Пречистенки, длиной 440 метров, осталось немного зданий, заслуживающих внимания.

Напротив – трехэтажное строение (№ 6) с эркером в центре, где находился Океанографический институт. Первоначально оно было построено к 1834 г., но в 1910 г. обстраивается справа и слева и на нем делается надстройка. Второй этаж этого здания сдавался «для свадеб, балов и обедов». В советское время дом был занят школой, потом педагогическим техникумом.

В доме № 7, отделанном рустом, построенном в 1914 г. архитектором М.А. Фелькнером, находились частные лечебница и роддом врача А.М. Калугина.

На месте дома № 11 находился участок купцов Шулейкиных – здесь в семье владельца небольшой обойной фабрики в 1895 г. родился известный физик, исследователь моря академик В.В. Шулейкин, первый глава кафедры физики моря физического факультета МГУ, основавший отделение гидрофизического института в Крыму, оставивший интересные воспоминания «Дни прожитые».

Среди зданий в этом переулке выделяется одно из лучших созданий выдающегося русского архитектора Ф.О. Шехтеля – великолепный особняк (№ 13) в стиле модерн, построенный в 1901–1902 гг. В его экспрессивной архитектуре проявляются и подчеркнуто геометризованные формы – черты рационалистической архитектуры XX в.

Яркое творчество Шехтеля вызвало не менее яркие и эмоциональные описания в искусствоведческих трудах. Так, один из искусствоведов считает, что в этом здании «массы предельно напряжены и в своем пластицизме достигли выражения почти „скульптурного оскала”», и далее описывает, как «не получив выхода в пространство, энергийно заряженная масса будоражит форму окна, создавая здесь наибольшее напряжение, и, наконец, прорывается наружу через его огромное зияющее отверстие».

Под «отверстием» имеется в виду действительно огромное окно на главном фасаде дома, освещающее большую гостиную, размеры которой просто подавляют – человек там почти теряется. Эта гостиная более похожа на зал в средневековом замке, камин же под стать всему остальному – он значительно выше человеческого роста. Особенно заметен этот гротескный гигантизм по сравнению с другими помещениями особняка – они вполне нормальны и даже подчеркнуто невелики. Одна из исследовательниц творчества Шехтеля в порыве «научно» объяснить это обстоятельство, написала, что гиперболизированные размеры гостиной были выбраны архитектором потому, что этим он хотел подчеркнуть «связь с историческим настоящим России, с переломностью переживаемого момента и осознанием переломности как факта, имеющего эпохальное значение».

Особняк был заказан дочерью текстильного фабриканта Ивана Бутикова Александрой Дерожинской, позднее ставшей женой одного из директоров Товарищества Зуевской мануфактуры И.И. Зимина. Поэтому в трудах по истории искусства эта работа Шехтеля называется то «домом Дерожинской», то «домом Зиминой». Предполагалось, что росписи для особняка (площадью около 250 квадратных метров!) будут выполнены художником В.Э. Борисовым-Мусатовым.

Но, как писал он, «моя фреска потерпела фиаско… Сделал я четыре акварельных эскиза, и они всем очень понравились. Владелица же палаццо, где нужны эти фрески, благородно ретировалась, предложив за них гроши».

В первые годы советской власти в особняке помещались культурно-просветительное общество Украинской рады (октябрь 1918 г.), норвежское представительство и потом внешкольный отдел Наркомпроса, заведующей которым была Н.К. Крупская, а ее заместительницей З.П. Кржижановская. В 1921 г. здесь поселили делегатов III конгресса Коминтерна. В этом здании находился редакционно-издательский отдел Главполитпросвета, где работал писатель и литературный критик А.К. Воронский. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. дом занимали представительства Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР, а в конце 1930-х гг. тут была резиденция посла и советника Китайской Республики. Теперь здесь посольство Австралии.

В 1788–1789 гг. в доме на этом участке у своего друга останавливался поэт Г.Р. Державин, а в 1828–1838 гг. жила мемуаристка Е.П. Янькова, чье повествование под названием «Рассказы бабушки» до сих пор служит ценным источником по истории Москвы конца XVIII – начала XIX в. Это был скромный деревянный одноэтажный дом с семью окнами по фасаду, стоявший по красной линии Штатного переулка. Она рассказывала, что «бойкое место на Пречистенке (в доме на углу со Староконюшенным переулком – № 18) мне очень надоело от беспрестанной езды, а тут был переулок малопроезжий, при доме был маленький садик, и напротив, почти из ворот в ворота, дом Катерины Сергеевны Герард с пребольшим и прекрасным садом, который тянулся по переулку против моего дома».

На противоположной стороне переулка – здание (№ 12), поставленное торцом к красной линии. Оно здесь самое старое – на плане 1760 г. обозначены каменные палаты полковника И.И. Ржевского на узком и вытянутом в длину участке, выходящем и в соседний Троицкий переулок. В начале XIX в. домом владел А.И. Герард, инженер, строитель москворецких набережных и мостов. В 1920-х гг. дом занимало представительство Бухарской Социалисти-

ческой Советской Республики, а здесь теперь находится посольство Арабской Республики Египет. В этом здании жил и умер 28 декабря 1887 г. декабрист А.П. Беляев.

Квартира его выходила в параллельный Штатному Троицкий переулок, который в 1922 г. был переименован в **Померанцев переулок** по фамилии считавшегося погибшим прапорщика А.А. Померанцева, участника боев в ноябре 1917 г. Он был тяжело ранен неподалеку отсюда, выжил, поступил на физический факультет Московского университета, окончил его и продолжал там работать, став известным ученым, крупным специалистом в области молекулярной физики, но предпочитал не распространяться о своем прошлом.

Старое название переулка – Троицкий – по церкви Троицы, «что в Зубове». Троицкая церковь была выстроена в 1642 г. стрельцами полка Ивана Зубова, от которого и получила название вся окружающая местность. Особенно хороша была шатровая колокольня, самая высокая в Москве, с прорезанными в шатре 32 «слухами» для того, чтобы лучше был слышен звон ее колоколов. На ее месте в 1937 г. возвели мрачный жилой дом (его недавно перекрасили в более жизнерадостные цвета) для работников милиции (Пречистенка, 31, архитектор З.М. Розенфельд), а от церкви осталась лишь ее старинная ограда по переулку с сохранившимся изображением креста на калитке. В доме жили не только милиционеры, но и более важные персоны, к примеру майор государственной безопасности некий Н.И. Антонов-Грицюк, которого в 1937 г. «избрали» в Верховный Совет СССР, а в следующем году арестовали и расстреляли.

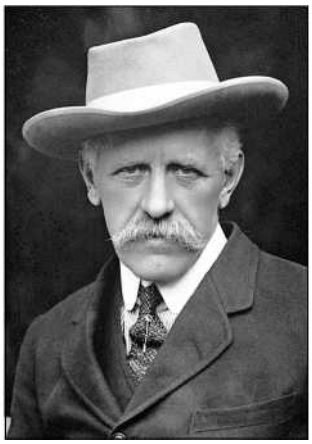
На месте дома № 29, построенного в 1911 г. на другом углу Померанцева, в начале XIX столетия стоял двухэтажный каменный дом, владелица которого коллежская асессорша Варвара Краснощекова сдавала первый этаж под «торговую лавочку». В 1806 г. в этом доме жил юрист, «известный Российский Законоискусник» Захар Аникеевич Горюшкин (1748–1821). Биография его удивительна: профессор Московского университета, он не получил никакого образования, кроме умения писать и читать, с 13 лет трудился в качестве чиновника в различных приказах. Хорошо знавший его историк И.М. Снегирев писал, что он, «чувствуя потребность просвещения, в продолжение своей гражданской службы, уже женатый, в свободное время от должности, самоучкою, узнал Русскую Грамматику, Арифметику и Логику, читал все богословские, философские, юридические и исторические книги на Русском языке». Горюшкин превратился в знающего юриста, прославился в Москве искусным разрешением разнообразных казусов, его пригласили в Московский университет и в пансион при нем для преподавания практического законоведения. Горюшкин прославился многими сочинениями, а в особенности «Руководством к познанию Российского законоискусства».

В современном доме № 29/12 (вероятно, 1911 г.) в 1943–1968 гг. в молодости жил биохимик, будущий академик А. Д. Мирзабеков.

Померанцев переулок, дом № 6

Такие же большие жилые дома и на другой стороне переулка (№ 10–12, 1936–1937 гг., архитекторы Л.Ф. Попов, В. Н. Колпакова), появившиеся здесь на месте дворов церковного причта. Дома справа от них расположены на территории обширного участка, протянувшегося почти на 120 метров по переулку и принадлежавшего Трубецким – по ним и переулок одно время назывался Трубецким. В начале XIX в. это владение разделилось на три части, позднее застроенные. На одной из них – нарядный особняк Н.Н. Медынцева (№ 6), построенный в 1907 г. архитектором Ф.Ф. Воскресенским в формах модерна, с использованием, по наблюдению английского искусствоведа Кэтрин Кук, изучавшей московскую архитектуру XIX–XX вв., декоративных мотивов английского и шотландского зодчества. В нем в октябре 1919 г. на основе богатых коллекций бывшего владельца был открыт 4-й пролетарский музей. После его расформирования особняк передали так называемой миссии Нансена, или, как она официально называлась, Международному комитету помощи голодающим России.

В начале 1920-х гг. в России, и особенно в Поволжье, начался страшный голод, спровоцированный бедствиями Гражданской войны и политикой большевиков, отбиравших хлеб у крестьян. На помощь России пришел весь мир, посылавший продовольствие и другую помощь. Работу по организации этой помощи взял на себя в 1921 г. знаменитый полярный исследователь Фритьоф Нансен. В Россию тогда прислали около 5 миллионов пудов продовольствия, более 40 тысяч пудов медикаментов, нансеновская организация выдала 250 миллионов суточных пайков. Было подсчитано, что организация спасла 6,5 миллиона детей и почти полмиллиона взрослых от смерти. Заслуги Ф. Нансена были признаны присуждением ему Нобелевской премии мира.



Фритьоф Нансен

А советская власть, как писали историки М.Я. Геллер и А.М. Некрич, «продемонстрировала все свои особенности: жестокость, мстительность, устойчивость», и Максим Горький, великий пролетарский писатель, оптимист и гуманист, радостно предсказывал: «… вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень. и место их займет новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей».

В 1923 г., несмотря на продолжавшийся голод, советское правительство отказалось от помощи и закрыло нансеновскую организацию. Сотни тысяч людей оказались приговоренными к голодной смерти, но коммунисты стали продавать хлеб за границу: как объяснял тогда видный коммунист Л.Б. Каменев, «это единственное средство пополнить нашу пустую кассу и покрыть основные расходы по обороне страны».

Особняк в Троицком переулке передали французскому посольству, а после того, как оно переехало в дом Игумнова на Большой Якиманке, тут находился Институт мозга. Теперь же в нем – посольство Гвинеи.

До строительства существующего здания здесь стоял небольшой одноэтажный деревянный дом и при нем маленький флигель, в котором с октября 1889 г. жил П.И. Чайковский. Он переехал сюда из села Фроловского – это была его последняя московская квартира, потом он бывает в Москве наездами, останавливаясь в гостиницах.

Он пишет отсюда Н.Ф. фон Мекк 2 октября 1889 г.: «Пречистенка, Троицкий переулок, № 6. Милый, дорогой друг мой! Вчера я наконец приехал в свою московскую резиденцию после шестинедельного странствования». Он побывал у своих родных в Украине, был в Петербурге. «Пока я ездил в Петербург, – продолжает он, – Алексей мой (его долголетний слуга. – *Авт.)* перебрался со всеми моими пожитками в мою московскую квартиру, которая теперь уже вполне устроена. Квартира очень маленькая, даже слишком маленькая в сравнении с моим последним деревенским домом, но очень милая и уютная».

Чайковский работал не покладая рук: концерты, репетиции, заседания, прослушивания, просмотры. Он писал отсюда: «Мне предстоит готовиться к дирижированию двумя московскими и тремя петербургскими концертами… Программа будет очень сложная и трудная, и, ввиду исключительности этого торжественного случая, я уже теперь начинаю мучительно волноваться. Примите во внимание, что я начал дирижировать своими сочинениями два с половиной года тому назад; чужими же сочинениями никогда не дирижировал! Поэтому моя задача будет особенно трудная! Вообще, предстоящая зима очень пугает меня, и нужно в самом деле огромный запас здоровья, чтобы выйти целым и невредимым из предстоящих мне испытаний».

Он решает отказаться от приглашений в России и за границей и 15 января 1890 г. уехать в Италию, чтобы спокойно работать над «Пиковой дамой».

На противоположной стороне переулка – дом № 9, построенный в 1911 г. архитектором Н.И. Жериховым. В нем были квартиры академиков – востоковеда, специалиста по литературе и истории Турции В.А. Гордлевского и терапевта В.Н. Виноградова, автора многих работ по диагностике рака и туберкулеза. Дом № 7, выстроенный также в 1911 г. по проекту В.Е. Дубовского, выделяется необычным оформлением фасада в виде стилизованной крепостной стены с башнями и зубцами; парадная лестница украшена образцами разноцветных облицовочных камней. Здесь в середине 1920-х гг. (до переезда в поселок Сокол) жил известный график П.Я. Павлинов. Третий большой дом (№ 3, 1915 г., архитектор Д.М. Челищев) своим сумрачным, темно-серым фасадом с крупным рустом несколько напоминает петербургские доходные дома.

В нем после женитьбы на внучке Л.Н. Толстого С.А. Толстой поселился поэт Сергей Есенин. Встреча с ним и обстановка, в которой он жил, описаны В.Г. Лидиным в очерке «Вечер в Померанцевом переулке».

В этом доме жила жена младшего сына Льва Толстого Андрея; после развода с ним она уехала с дочерью Софьей в Англию, а потом вернулась в Россию и в 1914 г. сняла квартиру в этом доме. Софья Андреевна (полная тезка супруги Толстого, которая была ее крестной матерью) вышла замуж за С.М. Сухотина, но брак ее распался, и с июня 1925 г. она жила с Есениным в гражданском браке, который они узаконили 18 сентября 1825 г. в загсе, который находился недалеко, в Малом Могильцевском переулке. Брак этот Есенин заключил, будучи официально женатым на Айседоре Дункан, что никого не остановило, и это обстоятельство послужило основанием для долгих и ожесточенных споров вокруг наследства поэта. «Животрепещемуся» вопросу о множестве женщин Есенина и его разнообразным отношениям с ними посвящена довольно значительная литература – тут и «последняя любовь поэта», и «женщины в жизни и поэзии», и «женщины, любившие поэта», и пр. и пр. И в частности, о последней его спутнице Софье Андреевне, так пострадавшей из-за недолгих и не очень обдуманных отношений с Есениным перед его самоубийством.

Между крупными доходными зданиями вклинился небольшой дом (№ 5), построенный в 1879 г. (архитектор С.А. Елагин), где была квартира музыкального критика, редактора-издателя журнала «Музыка» В.В. Держановского и его жены певицы Е.В. Колосовой-Держановской. У них, приезжая в Москву, останавливался композитор Н.Я. Мясковский и жил здесь в 1918–1919 гг. после переезда из Петрограда.

Величественный дворец, занятый Институтом иностранных языков (теперь он переименован в лингвистический университет, сокращенно МГЛУ (аббревиатура эта звучит довольно странно, студенты шутят: «поступил во МГЛУ», «учусь во МГЛЕ»), в XVIII в. принадлежал московскому генерал-губернатору П.Д. Еропкину, и по его фамилии называется следующий переулок – **Еропкинский**.

Дворец был выстроен в начале 1770-х гг. с включением в него старинных, еще XVII в., палат. Владелец дворца генерал-поручик, сенатор Петр Дмитриевич Еропкин удостоился от своего биографа таких слов: «Незабвенный спаситель первопрестольной столицы в ужасную годину заразы и мятежа, Петр Дмитриевич сочетал, с нравом предприимчивым, твердость непоколебимую, душу возвышенную, пламенно любил отечество, во всю жизнь свою отличался правдивостью неуклонною, бескорыстием, сердоболием к бедным и принадлежит к числу мужей, имена коих служат украшением русских летописей».

Еропкинский переулок

Он прославился тем, что унял «чумный бунт» в Москве, разразившийся во время страшной эпидемии, когда люди умирали десятками тысяч и искали спасения в поклонении Боголюбской иконе Богоматери, висевшей на Варварской башне Китай-города. Толпы собирались там, целовали икону, тем самым способствуя еще большему распространению болезни. Власти, и светские и духовные, запретили эти сборища; невежественные люди в полном отчаянии восстали, убив московского архиепископа Амвросия. Только решительные меры Еропкина спасли положение. Екатерина II наградила Еропкина обычным для нее способом – она пожаловала ему 4 тысячи крепостных, Еропкин же ответил совсем необычным для того времени образом – он отказался, чем прославился еще больше. По воспоминаниям «бабушки» Яньковой, «когда Еропкины живали в Москве, у них был открытый стол, то есть к ним приходили обедать ежедневно кто хотел, будь только опрятно одет и веди себя за столом чинно; и сколько бы за столом ни село человек, всегда для всех доставало кушанья: вот как в то время умели жить знатные господа!».

После его кончины в 1805 г. дом остался супруге, а после нее племянникам Новосильцовым и князьям Гагариным, которые продали Московскому купеческому обществу всю усадьбу 10 августа 1806 г. за 35 тысяч рублей для помещения в ней Коммерческого училища. Когда приспосабливали здание для нужд нового училища, то его достроили справа, а позади пристроили длинное крыло, видное теперь в Померанцевом переулке. Тогда же главное здание получило третий этаж и торжественный многоколонный портик на арках.

Здесь учились знаменитый русский историк Сергей Михайлович Соловьев (он и жил в здании училища, ибо его отец был преподавателем), а также не менее знаменитый русский писатель И.А. Гончаров, которым посвящены мемориальные доски.

В своих воспоминаниях «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других» С.М. Соловьев писал, как «5-го мая 1820 года, в одиннадцать часов пополудни, накануне Вознесения, у священника московского коммерческого училища родился сын Сергей, слабый, хворый недоносок, который целую неделю не открывал глаз и не кричал. – Помню я тесную, плохо меблированную квартиру отца моего, в нижнем этаже, выходившую на большой двор училища, где в послеобеденное время и вечером гуляли воспитанники…».

Здесь есть и мемориальная доска с фамилией, мало кому известной: «Здесь с 1931 по 1938 год работал видный деятель международного рабочего движения, швейцарский коммунист Фриц Платтен». Он приехал в Россию еще в начале XX в., занимался революционной

деятельностью, уехал к себе в Швейцарию, где участвовал в коммунистическом движении. Именно он организовал отправку в нескольких пломбированных вагонах через Германию Ленина с соратниками для подрывной работы в Россию. В Петрограде в первый день новой «коммунистической» эры, 1 января 1918 г., он спас Ленина от верной смерти. Ленин уехал с митинга на автомобиле, где сидели также Платтен и сестра Ленина, и, когда проезжали по мосту, начался обстрел. Он схватил Ленина и пригнул его вниз, а пуля попала в руку Платтена. Шофер ускорил ход и ушел от нападавших. Советская власть «отблагодарила» Платтена за спасение любимого вождя: его последователи, верные ленинцы, в 1938 г. его арестовали и упекли в Соловецкий лагерь, где вывели за колючую проволоку и 22 апреля (ирония судьбы – в день рождения Ленина) 1942 г. расстреляли.

В 2006 г. на доме открыли мемориальную доску в честь Н.И. и С.И. Вавиловых, которые были отданы в Коммерческое училище, так как будущие известные ученые происходили из купцов. Сергей Вавилов вспоминал: «Оглядываясь на прошлое, вижу теперь, что Коммерческое училище было хорошей средней школой. Программа была правильная, реальная, с большой дозой естествознания, физики, химии, технологии. Имелись совсем недурные кабинеты лаборатории, каковых сейчас иногда не найдешь и в столичных высших школах. Отличная химическая и технологическая лаборатории. Великолепные чертежный и рисовальный классы, большой гимнастический зал, почтенная и большая старая библиотека. Учителя и воспитатели подбирались с толком».

Много позже, в конце 1920-х – начале 1930-х гг., С.И. Вавилов жил рядом, в несохранившемся доме № 16 по Еропкинскому переулку. В его маленьком кабинете написаны такие известные работы, как «Солнечный свет и жизнь Земли» и «Глаз и Солнце». В этом же доме жил профессор Московского университета физик Б.К. Млодзеевский. В правой части четырехэтажного здания № 5 (1900 г., архитектор В.П. Гаврилов) в 1920—1950-х гг. была квартира писателя И.А. Новикова, автора популярных романов, посвященных А.С. Пушкину. Единственный здесь особняк (№ 3) перестроен из здания 1905 г. (инженер Н.И. Тулаев) для О.Н. Чижовой в 1909 г. архитектором Б.Н. Шнаубертом. Здесь находится посольство Королевства Таиланд. Дом № 4 с несколько суровым темным фасадом появился здесь в 1911 г. (проект архитектора К.Ф. Бурова). В нем прошли последние годы знаменитого в Москве модельера Надежды Петровны Ламановой, платья которой носили самые известные модницы. В советское время она угодила в Бутырки, но спас ее Горький, гражданской женой которого была артистка М.Ф. Андреева, одевавшаяся у Ламановой. В своей скромной квартире в Еропкинском переулке она шила уже для новой советской бюрократии.

В.А. Серов. Надежда Петровна Ламанова. 1911 г.

Умерла она в 1941 г. на улице, присев на скамейку в сквере у Большого театра.

Переулок выходит к Пречистенке доходным домом № 25, построенным вместе с соседним (под № 27) на большой усадьбе, которая в конце XVIII – начале XIX в. принадлежала графине Александре Дивиер. На противоположный угол выходит двухэтажный особняк (№ 23) с трехоконным мезонином, внешний вид которого обязан нескольким перестройкам во второй половине позапрошлого века. В начале века он был приобретен генерал-майором Александром Ивановичем Татищевым (1763–1833). Он с младых лет был записан в армию, принимал участие в войнах с Турцией и кампаниях в Польше, но рано занялся хозяйственными делами, стал генерал-кригскомиссаром, ведавшим вопросами вооружения, вещевого и денежного довольствия, медицинского обслуживания армии. В войнах с наполеоновской Францией 1812–1814 гг. он прекрасно справлялся с этими обязанностями. Его подчиненным, главой одной из комиссариатских комиссий был Сергей Львович Пушкин. С 1823 по 1827 г. он военный министр, и он же председательствовал в следственной комиссии по делу декабристов. Как писал один из них, «председатель комиссии Татищев редко вмешивался в разбор дела; он только иногда замечал слишком ретивым ответчикам: „Вы, господа, читали все… и вот куда попали, а я всю жизнь мою читал только священное писание, и смотрите, что заслужил", – показывая на два ряда звезд, освещавших грудь его».

Особняк в 1822 г. перешел в купеческие руки, несколько раз перестраивался, и современный его вид относится к второй половине XIX в. В 2003 г. он чуть было не был снесен: началась постройка большого офисно-жилого комплекса. Уже заработали бульдозеры и краны, и от татищевского особняка осталась лишь фасадная стена.

Особняк расположен между двумя переулками – Еропкинским и Мансуровским. Угол **Мансуровского** и Пречистенки занят представительным зданием (№ 21), в котором расположена Российская академия художеств.

Почти на всем протяжении XVIII в. это было владение лейтенанта флота Федора Лукича Талызина, умершего на штатской службе в чине тайного советника, а потом его жены Татьяны Семеновны. Внук его Степан Александрович Талызин продал участок в 1798 г. «девицам Анне и Катерине Чернцовым», а после них владельцем стал генерал-майор Алексей Алексеевич Тучков (он приобрел его в 1810 г. у майорши Екатерины Болтиной) и значительно перестроил главный дом усадьбы. Его внучка Наталья, жена Н.П. Огарева и впоследствии А.И. Герцена, писала о нем: «Дед был чисто русская, широкая натура; он был богат не столько по наследству, сколько по счастливой игре в карты, к которым питал большую страсть, – это был единственный его недостаток. Он был страстный поклонник и знаток живописи и архитектуры; к последней имел даже истинное призвание; в своих деревнях и в подмосковном имении он строил дома, оранжереи, разбивал великолепные сады, на которые приезжали любоваться знакомые; но когда все было доведено до возможного совершенства, он скучал и начинал мечтать о новой артистической работе, и нередко продавал устроенное имение в убыток; покупал новое и с жаром принимался за его устройство… В Москве дед Алексей Алексеевич также перестраивал свои дома до основания, оставляя одни капитальные стены. В доме, купленном у кн. Потемкина (наоборот: Потемкин купил у него. – *Авт.),* он устроил для картинной галереи, которую имел уже несколько лет, освещение сверху, которым все знакомые восхищались; его картинная галерея, замечательная для того времени, заключала несколько ценных оригиналов итальянской и фламандской школы и много хороших копий с картин этих двух школ».

В пожар 1812 г. дом Тучкова, к удивлению многих, остался неповрежденным на сгоревшей Пречистенке: «Этот дом один из окружающих его чудесно уцелел, – писал в дневнике П.В. Победоносцев, профессор Московского университета и отец известного впослед-

ствии обер-прокурора Синода, – сгорели только конюшня и сараи. Картины его вывезены и спасены; библиотека частию пострадала от расхищения».

Благосостояние Тучкова зависело от удачной карточной игры, но вскоре оно пошатнулось и дом пошел на продажу: в конце 1817 г. его приобрел за 230 тысяч граф Сергей Павлович Потемкин. Иногда пишут, что он был близким родственником князя Григория Потемкина-Таврического, но это ошибка – у них общий предок, выехавший из Польши на службу к великому князю Василию в начале XVI столетия, но с тех пор ветви этого рода разошлись далеко. Потемкин был женат на княжне Елизавете Трубецкой – на свадьбе Пушкина она была посаженой матерью невесты.

Муж и жена, как было известно в Москве, не жили вместе, и этим объясняется стихотворная шутка поэта, в которой сопоставляются два невероятных события:

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

Личность оригинальная, Сергей Павлович Потемкин прославился в Москве приемами, обедами, праздниками, театральными постановками и экстравагантными поступками: так, он строил у себя в имении церковь, а иконостас, изготовленный в Москве, отправил на курьерских тройках, чтобы успеть ко дню своих именин. Знаток московских происшествий Александр Булгаков писал в 1833 г.: «Ну уж обед задал Потемкин! Только что птичьяго молока не было. Большой дом его стоит исковерканный, много начато, ничего не кончено, а на дворе какой-то флигелек отделал он по-царски и транжирит себе, а уже не знаю из каких доходов, ибо дают ему только 30 т. на прожитье». Неудивительно, что в конце концов дом был продан за долги, достигавшие 650 тысяч рублей. В 1837 г. его купил полковник И.Н. Макаров-Зубачев. Его вдова владела этим домом и жертвовала крупные суммы на возобновление Ивановского монастыря.

В 1870 г. дом расширили и отделали по фасаду (проект архитектора П.С. Кампиони). В 1889 г. он перешел к представителям династии богатых текстильщиков Морозовых. Последним владельцем дома перед правлением большевиков был Иван Абрамович Морозов, собиратель новой живописи, для которой архитектор Л.Н. Кекушев в 1905 г. переделывает интерьеры. По словам архитектора И.Е. Бондаренко, «собрание составлялось толково, прекрасно развешивалось, и вообще в его собрании было очень много вкуса».

В советское время коллекцию национализировали и назвали музеем новой западной живописи, объединив его позднее с коллекцией С.И. Щукина, музей просуществовал до 1947 г. Ныне в особняке помещается Академия художеств.

В Мансуровском переулке (название по фамилии бригадирши Аграфены Мансуровой; другие имена – Талызин и Мосальский – также обязаны домовладельцам) находится небольшой двухэтажный домик (№ 3), где собирались ученики Е.Б. Вахтангова, члены 3-й студии Художественного театра, которая поместилась здесь с осени 1914 г. На втором этаже студийцы оборудовали сцену и небольшой, на несколько десятков человек, зрительный зал с простыми венскими стульями, расставленными амфитеатром. Отсюда и начался славный путь Московского театра имени Евгения Вахтангова. Одна из студиек, Цецилия Воллерштейн, взяла себе сценический псевдоним по названию этого московского переулка и стала известной актрисой, и теперь уже многие утверждают, что переулок назван именно по фамилии артистки Ц.Л. Мансуровой. В этом же доме были квартиры Е.Б. Вахтангова, Ю.А. Завадского и В.П. Марецкой. Вахтангов пережил в этой квартире Октябрьский переворот 1917 г.: «У нас на Остоженке, – писал он, – в Мансуровском переулке, пальба идет весь день почти

непрерывно. Выстрелы ружейные, револьверные и пушечные. Два дня уже не выходим на улицу. Хлеб сегодня не доставили. Кормимся тем, что есть. На ночь забиваем окна, чтоб не проникал свет. Газеты не выходят. В чем дело и кто в кого стреляет – не знаем. Телефон от нас не действует. Кто звонит к нам – тоже ничего не знает. Кто побеждает – „большевики" или правительственные войска – второй день неизвестно. Трамваи остановлены. Вода и свет есть. Когда это кончится?»

Еще сравнительно недавно на углу Мансуровского и Остоженки стоял небольшой дом (№ 34/1), где, как предполагали некоторые исследователи, родился знаменитый драматург Александр Грибоедов.

Вообще говоря, точно неизвестно ни когда родился он, ни где. Достоверно известно только, что он родился 4 января в Москве, и не более того.

Многие исследователи и в XIX, и в XX вв. искали в московских церковных метриках запись о его рождении, но все было напрасно. Судя по формулярным спискам Грибоедова, свидетельствам родственников и современников, упоминаются пять вероятных дат: 1790, 1792, 1793, 1794 и 1795 гг. Первой из них трудно поверить, так как из документов известно, что его мать тогда еще не была замужем (правда, ссылаются на роман некой Миклашевич, которая хорошо знала Грибоедова и вывела его в романе, написав, что он был рожден до брака); даты 1792 и 1793 гг. не подходят потому, что в начале июля 1792 г. родилась его старшая сестра Мария (тогда родители снимали дом Федора Вельяминова-Зернова в приходе церкви Спаса на Песках у Арбата). А по поводу даты 1795 г. надо сказать, что исследователи нашли такую запись в метрической книге церкви Успения на Остоженке 1795 г.: «Генваря 13 в доме девицы Прасковьи Ивановны Шуширином у живущего в ее доме секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова родился сын Павел, крещен сего месяца 18 дня. Восприемником был генерал-майор Николай Яковлевич Тиньков». Однако некоторые исследователи не верят метрической записи о его рождении, так как, говорят они, во-первых, при крещении присутствовал только один восприемник, во-вторых, в этой метрической книге было пропущено одно крещение и, в-третьих, вообще ранее не было известно о существовании сына Павла в семье Грибоедовых. Основываясь на этих утверждениях, они считают, что дьячок перепутал имя новорожденного и на самом деле его звали Александром. Но эти доводы не выдерживают критики: при крещении по церковным правилам возможно было присутствие только одного восприемника, Павел мог скончаться в младенческом возрасте, а ошибка в ведомости вообще не относится к рассматриваемому случаю и, таким образом, единственной датой, подходящей для определения года рождения А.С. Грибоедова, остается 1794 г.

Известный москвовед В.В. Сорокин определил, где находился участок майорской дочери девицы Прасковьи Ивановны Шуширином (или Шушериной): на углу Остоженки и Мансуровского переулка, № 34/1, а ее кирпичный одноэтажный дом стоял на самом углу. Можно, конечно, предположить, что семья Грибоедова могла переехать сюда между 1792 и 1795 гг., и Александр мог родиться и здесь, но никаких доказательств этому нет.

Несколько далее по Мансуровскому переулку по той же левой стороне стоит небольшой деревянный домик (№ 9), где в 1926–1932 гг. у своих друзей, театральных работников братьев Топлениновых, часто бывал М.А. Булгаков, а полуподвальное его помещение, по изысканиям московского краеведа Б.С. Мягкова, до мелочей описано в романе «Мастер и Маргарита». Почти такой же небольшой соседний домик (№ 11) принадлежал известному архитектору А.В. Кузнецову, автору таких значительных сооружений, как новый корпус Строгановского училища на Рождественке (дом № 11) и здание Политехнического общества в Малом Харитоньевском переулке (№ 4). Дом в Мансуровском переулке, вероятно, был построен в послепожарные времена. Впервые он зафиксирован на плане 1834 г. и с тех пор мало изменился, только со двора появилась небольшая пристройка, сделанная по проекту хозяина дома в 1915 г.

Там, где переулок выходит к Пречистенке, находятся хозяйственные постройки и флигели крупных усадеб, главные здания которых выходят фасадами на самую улицу.

Правая сторона Мансуровского переулка занята большими жилыми домами. С отступом от красной линии стоит здание, построенное в 1913 г. (архитектор И.А. Герман), а по бокам его – сооружения, появившиеся в советское время, – справа № 8 (1960-е гг., архитектор А. Аркин и другие) и слева № 10 (1939 г., архитектор М.С. Шерфетдинов). Интересно, что в проектном задании на этот последний дом предполагались «монументальные формы» фасада, ибо рядом тогда проектировалась аллея Ильича, значительная радиальная магистраль от Дворца Советов на юго-запад.

Памятником иного времени, времени расцвета модерна, выглядит бывший особняк крестьянина П.В. Лоськова (№ 4), выстроенный в 1906 г. архитектором А.У. Зеленко. В нем была квартира генерала А.А. Брусилова. По воспоминаниям участника боев в октябре 1917 г. большевика К.В. Островитянова, при орудийном обстреле с Воробьевых гор здания штаба Московского военного округа на Пречистенке снаряд попал в это здание и Брусилов был ранен – его лечили поблизости, в больнице доктора Руднева в Серебряном переулке. Теперь в особняке посольство Сирийской Арабской Республики.

До постройки особняка на его месте был небольшой деревянный домик, адрес которого сохранился в протоколах допроса В.И. Ленина: «По возвращении из-за границы я прямо поехал к матери в Москву. Пречистенка, Мансуровский переулок, дом Лоськова (ее тогдашний адрес)».

Соседний **Сеченовский переулок** выходит к Пречистенке незаурядным памятником классицизма – домом № 19 князя Андрея Николаевича Долгорукова, который в числе самых красивых московских зданий помещен в альбом, составленный М.Ф. Казаковым. Несмотря на то что он давно числится в списке московских достопримечательностей, только недавно история его была выяснена М. Лекомцевым. Автор проекта дворца остался неизвестным, разные исследователи называли Баженова, Матвея или Родиона Казаковых.

Построен он был в 1788–1791 гг. для известного деятеля екатерининского времени М.Н. Кречетникова, умелого и исполнительного сотрудника императрицы. По словам его биографа, «он имел приятную наружность, сердце доброе; был деятелен, храбр, трудолюбив, бескорыстен, но слишком любил прекрасный пол».

Д.Г. Левицкий. Михаил Никитич Кречетников. 1770-е гг.

Он не воспользовался новым дворцом, скончался в 1793 г. вдалеке от Москвы, а дворец был продан Долгоруковым. После пожара 1812 г. его существенно перестроили и, в частности, заложили проезды, ведущие во двор. Известно, что послепожарная отделка, восстановление и ремонт принадлежали Ф. Кампорези.

В семье князя А.Н. Долгорукова было семь сыновей и четыре дочери. Сыновья все выбрали военную карьеру и добились немалых успехов, что неудивительно для обладателей такой фамилии, а один из них даже оказался замешанным в восстании декабристов, зато два других поднялись на самую вершину чиновничьей лестницы. Василий стал шефом жандармов, Владимир – московским генерал-губернатором, и весьма популярным. Он родился в этом доме в 1810 г.

В 1863 г. здесь начало работать Александро-Мариинское училище попечительства о бедных под руководством известной благотворительницы В.Е. Чертовой (в Москве его фамильярно прозвали «чертовским училищем»), преобразованное в институт, где обучались дочери офицеров Московского военного округа и получали профессию домашней учительницы. Этот институт окончила известная драматическая актриса Е.Н. Гоголева: «Насколько я помню, учили нас хорошо. Мы изучали все общеобразовательные предметы, немецкий и французский языки. Желающие могли брать уроки музыки. Можно было учить английский язык. Балерина Станиславская преподавала танцы… Педагоги были, как правило, очень хорошие».

Владимир Андреевич Долгоруков

В советское время в здании поселился отдел изобразительных искусств, а потом заняли и занимают по сие время военные. Тут находилась Химакадемия, в 1921 г. Военная академия имени Фрунзе и др.

На левом углу Сеченовского переулка и Пречистенки – замечательный памятник (№ 17). Усадьба принадлежала Гавриилу Ильичу Бибикову, который приобрел ее у обер-полицмейстера, генерал-майора Николая Петровича Архарова (он получил ее в 1780 г. в ходе аукционного торга). Там стояли каменные палаты «в два етажа», по бокам были выстроены два флигеля, а позади, в саду, две деревянные беседки. Через год Архаров продал усадьбу младшему из известных в истории России братьев Бибиковых, Гавриилу Ильичу, перестроившему в 1789 г. старые палаты (которые были включены в новую постройку). С молодости он был военным, получил чин генерал-майора, в отставке занялся обустройством своей подмосковной усадьбы – он купил в 1781 г. Гребнево (около современного города Фрязино), устройством там и в московской усадьбе театра и оркестра. Мемуарист А.Т. Болотов писал, что «музыка в Москве очень была в моде. Считали до 10 тысяч всех музыкантов, и во многих домах были прекрасные музыканты и виртуозы. В особливости щеголял музыкою генерал Гаврило Ильич Бибиков».

Его крепостным был композитор Даниил Кашин. Бибиков заметил его способности, отдал в учение известному тогда Джузеппе Сарти и отпустил на волю. Для обучения балетной труппы приглашались балетмейстеры, и сообщается, что именно Г.И. Бибиков выпи-

сал в Россию Петра Иогеля, впоследствии учившего танцам многие поколения московских девиц и юношей.

Дом часто сдавался внаем. В 1831 г. здесь жила генеральша Вера Яковлевна Сольдейн, игравшая видную роль в московском обществе. У нее, вспоминал А.Д. Галахов, «очень обходительной и образованной женщины, интересовавшейся литературой», на вечерах «собирались молодые представители умственной жизни Москвы. Из числа их часто бывал И.В. Киреевский, в то время оскорбленный запрещением своего журнала «Европеец». Здесь же, на большом балу, в первый раз увидал я Пушкина, кн. П.А. Вяземского и обеих Гончаровых, из которых одна была уже невеста поэта». В 1831 г. Пушкин читал здесь отрывки из «Путешествия Онегина».

Знакомый Пушкина, автор обширных мемуаров граф М.Д. Бутурлин нанял «огромнейший дом Бибикова», где и состоялась его свадьба 18 ноября 1834 г.

В 1835 г. наследники Г.И. Бибикова продали усадьбу за 50 тысяч рублей Софье Николаевне Давыдовой. Ее муж, знаменитый герой Отечественной войны 1812 г. поэт-партизан Денис Давыдов долго искал себе подходящий московский дом и остановился на этом. Покупкой он остался очень доволен: «Что это за дом наш, мой друг! Всякий раз, как еду мимо его, любуюсь им; это Hotel или дворец, а не дом», – писал он Вяземскому.

Дворцом этим он недолго утешался – семейные неприятности, безденежье, да и соседство с Пожарным депо (с июня 1835 г.) заставляют продать его.

Он публикует в пушкинском «Современнике» 1836 г. «Челобитную» сенатору А.А. Башилову, который короткое время (с апреля 1831 по март 1832 г.) был директором Комиссии для строения Москвы и руководил работами по благоустройству города, в частности по разбивке Петровского парка (память о Башилове сохранилась в названии улиц Старая и Новая Башиловка):

О мой давний покровитель!
Сохрани меня, отец,
От соседства шумной тучи
Полицейской саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарных труб и крючей!
То есть, попросту сказать:
Помоги в казну продать
За сто тысяч дом богатый,
Величавые палаты,
Мой Пречистенский дворец…

Стихотворная челобитная не возымела действия, казна отказала, и в марте 1841 г. дворец был продан в частные руки. Дворцом владел барон Григорий Владимирович Розен, участник многих войн 1800-х гг., который отличился при Бородине и других сражениях, был командующим на Кавказе, боролся со свободолюбивыми горцами жестокими военными экспедициями. Его дочерью была известная игуменья Митрофания, «героиня» громкого процесса, осужденная за злоупотребления. Дом же перешел к другой его дочери Софье, бывшей замужем за действительным статским советником В.С. Аладьиным, а впоследствии принадлежал княгине Е.А. Голицыной, при которой архитектор А. Обер переделал фасады флигелей, где помещался пансион – на правом, сохранившемся, виден вензель владелицы EG. Впоследствии дом принадлежал баронессе М.А. Шеппинг, которая сдавала его гимназии А.С. Арсеньевой, славившейся качеством преподавания. В гимназии учительствовали известные ученые: философ Л.М. Лопатин, историк С.Ф. Фортунатов, музыкант, будущий

знаменитый дирижер Н.С. Голованов и др. Вопреки распространенному мнению о низком уровне женского образования в России, в этой гимназии ученицы третьего класса изучали алгебру, геометрию, анатомию, грамматику славянского языка, особое внимание уделялось иностранным языкам.

В 1920-х гг. тут была средняя школа, а с 1930-х гг. дворец заняли партийные учреждения, в последние годы советской власти тут находился Ленинский райком коммунистов.

В 1930–1933 гг. на месте левого флигеля усадьбы выстроили неприглядный жилой дом (№ 9/17), построенный для сотрудников библиотеки имени Ленина. В нем в 1930-х гг. жила видный деятель русского революционного движения В.Н. Фигнер. Она родилась в 1852 г. и умерла в 1942 г., активно участвовала в народническом движении, провела 20 лет в Шлиссельбургской крепости. После большевистского переворота В.Н. Фигнер занималась литературным трудом, писала воспоминания, вовсю критиковала большевиков, участвовала в работе Общества бывших политкаторжан.

Сеченовский переулок до 1955 г. назывался Полуэктовым по фамилии владельца участка № 4 бригадира В.Б. Полуэктова, а в XVIII в. он носил название Затрапезного – но не по виду его, а по фамилии владельца. Переулок интересен не столько своими произведениями архитектуры – здания в нем весьма обычны (можно обратить внимание на новый жилой дом № 2, в облике которого сказались мотивы творчества архитектора Гауди), сколько знаменитыми жильцами. Так, в доме на месте № 3 в 1884–1896 гг. жил филолог академик Ф.Е. Корш, в доме № 5 (1889 г., архитектор М.Г. Пиотрович) – известный археолог, автор многих обобщающих работ по археологии России В.А. Городцов, а во дворе в трехэтажном корпусе в первые годы советской власти, после переезда из Петрограда, квартировали В.В. Маяковский, муж и жена Брик. Квартира, скорее комната, и совсем маленькая, описана в поэме «Хорошо!»:

Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо в помещении —
Лиля,
Ося,
Я
И собака Щеник.

И как только эта странная «семья» – Лиля вместе с Осей Брик и с ними Вова со Щеником – втискивалась в комнату площадью 12 квадратных аршин – это около 6 квадратных метров!

На участке № 4 стояли два небольших деревянных дома; в одном из них в конце 1830-х гг. жил педагог, автор мемуаров «Записки человека» А.Д. Галахов, историк русской литературы, у которого здесь бывали В.Г. Белинский, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский и др.

В доме № 8 (1904, архитектор Н.Д. Бегичев) в течение 42 лет, с 1916 до своей кончины в 1958 г., работал пейзажист, тонкий и лиричный художник Н.П. Крымов. В его квартиру на четвертом этаже часто приходили горячо любившие его ученики – Крымов был и замечательным педагогом, разработавшим целую систему живописного отображения природы. Здесь же была квартира известного юриста А.М. Винавера, преподававшего римское и гражданское право в Москве. Его конечно же в 1938 г. арестовали, продержали в тюрьме шесть лет, но освободили… «по состоянию здоровья», а на самом деле потому, что при более тесных отношениях с Западом понадобились специалисты по римскому праву, но знаниями его не успели воспользоваться: вскоре после освобождения он скончался.

В доме № 7 (1912 г., архитектор Д.М. Челищев; во дворе – здание с надписью на торце, в которой сообщается о времени его постройки: «1915 С соизволения Августейшей Попечительницы Александро-Мариинского института Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны построен сей дом») квартировал член-корреспондент АН СССР литературовед Н.Ф. Бельчиков, специалист по литературе и общественной мысли России XIX в. В несохранившемся доме, стоявшем на этом месте, в 1827–1828 гг. жил писатель С.Т. Аксаков, а на месте дома № 3 – филолог Ф.Е. Корш в 1884–1895 гг.

На участке № 6 в 1870—1880-х гг. располагался Ольгинский детский приют, в котором учился один из самых прославленных русских граверов Иван Николаевич Павлов. Он вспоминал, что для мальчиков-шалунов существовало тогда самое жестокое наказание: таких сажали на уроках между двумя девочками…

Дом по красной линии переулка построен в 1826 г., но существенно перестроен в конце XIX в. архитектором К.В. Терским, который и жил в нем вместе с сыном, также архитектором.

Самым известным жильцом этого переулка, давшим ему современное имя, был знаменитый физиолог И.М. Сеченов, о котором его не менее известный современник К.А. Тимирязев сказал, что «ни один русский ученый не имел такого широкого и благотворного влияния на русскую науку и развитие научного духа в нашем обществе, как И.М. Сеченов».

Ученый провел последние годы своей жизни – с 1903 по 1905 г. в здании (1898 г., архитектор К.В. Терской), находящемся во дворе одноэтажного дома № 6, который был построен в 1826 г. Он вел очень скромную жизнь, и певица А.В. Нежданова, дружившая с семьей Сеченова, рассказывала, как он иногда говорил ей: «Вот вы, Тоня, почти еще девочка, только что с консерваторской скамьи, а получаете гораздо больше меня, заслуженного старого профессора». В уютной квартире Сеченова, заполненной книжными шкафами, по воскресеньям собирались его друзья, часто бывали ученые Н.Д. Зелинский, К.А. Тимирязев, Н.А. Умов, А.Н. Веселовский, многие художники и артисты. В связи с пятидесятилетием со дня смерти великого русского биолога была открыта мемориальная доска.

Иван Михайлович Сеченов

Этот участок граничит с восточной стороны с небольшим владением (№ 7), выходящим на соседний **Барыковский переулок**. В 1899 г. владельцем был старший брат П.И. Чайковского Николай Ильич. Он был инженером и не поддерживал близких отношений с Петром Ильичом и, даже более того, был одним из тех, кто не одобрял его решения бросить службу и поступить в консерваторию. Как передает М.И. Чайковский – другой брат, Николай Ильич «начал отговаривать брата и между прочим высказал, что надежды на талант Глинки в нем нет и что, стало быть, он осужден на самое жалкое существование музыканта средней руки». Петр Ильич сначала промолчал, но потом «как-то особенно взглянул на Николая и

проговорил: „С Глинкой мне, может быть, не сравняться, но увидишь, что ты будешь гордиться родством со мной”. Николай Ильич до сих пор не забывал ни звука его голоса, ни взгляда».

Барыковский переулок до 1922 г. назывался Дурновским по фамилии владельцев. Оба эти названия связаны с одним и тем же зданием – под № 4, в конце XVIII в. (как и современные участки № 2, 6 и 8) принадлежавшим надворному советнику Василию Дурново, который получил позволение устроить домовый храм. По преданию, на его стене пленным мальчиком-турчонком, новообращенным в христианскую веру, был написан образ Спаса, прославившийся чудесами. Этот образ, по рассказам, много раз замазывали, но он все время появлялся снова.

Второе название переулка объясняется тем, что богатый помещик И.И. Барыков, большой хлебосол, дававший по два раза в неделю роскошные обеды, где бывали все важные московские чиновники, заболел и дал обет основать богадельню. По выздоровлении он приобрел участок в Дурновском переулке, выстроил дом (№ 4) Барыковской богадельни для «убежища престарелых женщин», оставил средства на ее содержание и возобновил там 17 ноября 1855 г. Спасский храм. На нечетной стороне переулка в 1912 г. появился пятиэтажный жилой дом № 7 (архитектор Н.И. Жерихов).

Четная сторона переулка в XVIII – начале XIX в. почти вся была занята владениями семьи Дурново, и только в начале XX в. здесь воздвигнуты доходные дома – на месте нового здания стоял дом, выстроенный в 1906 г., № 6 (архитектор Л.В. Стеженский), где в 1920—1930-х гг. жил советский партийный и государственный деятель С.А. Лозовский, бывший во время войны начальником Совинформбюро, которого арестовали и убили в 1952 г., а также дом, построенный в 1913 г., № 8 (архитектор С.Д. Езерский). На Пречистенку выходит самый небольшой здесь дом (№ 15/10), которым в конце XVIII в. владел купец Илларион Казаков, сдававший его первый этаж под питейный дом «Красный кабачок».

Название следующего переулка – **Лопухинский**, как и многих других здесь, произошло от фамилии домовладельцев – на этот раз усадьбы, выходившей на Пречистенку (№ 11), там, где сейчас помещается музей Л.Н. Толстого. Он находится в одном из самых очаровательных зданий московского ампира. Строился дом в 1817–1822 гг. для гвардии поручика Василия Абрамовича Лопухина (1746–1821) по проекту архитектора А.Г. Григорьева, как считает лучший специалист по его творчеству Е.А. Белецкая. После него дом перешел к сыновьям Абраму и Владимиру, а затем остался за старшим братом. А.В. Лопухин (1774–1835) известен был как переводчик и незаурядный поэт, на которого обратил внимание Жуковский. Лопухин в 1796 г. напечатал гимн Москве, который ни в одном из сборников художественных произведений о Москве не публиковался:

В кибитке тройкой запряженной,
Как будто вихрями несенной,
Скачу!.. и мерзлый снег хрустит. —
И все мне сердце веселит! —
Высоки Воробьевы горы,
Одеты инеем их боры,
Златые главы из-за них
Мелькнули мимо глаз моих:
Из льдов составленный зимою
Мост твердый над Москвой рекою
Меня уж видит на себе. —
Москва!.. град милый! я в тебе.
Москва! ты для меня вселена!

Ты мне отдашь моих друзей;
И жизнь щастлива возвращена
В ограде будет мне твоей.

В советское время Лопухинский дом стал музеем Л.Н. Толстого в 1920 г., чему немало способствовала… православная церковь, отлучившая великого писателя и потому, конечно, сообщившая его имени особое уважение коммунистов.

После его смерти почитатели писателя образовали Толстовское общество, поставившее себе целью собирание и сохранение всего связанного с его именем. Через год после смерти писателя общество открыло Толстовскую выставку, экспонаты которой и составили будущий музей, который с 28 декабря 1911 г. помещался в квартире из восьми комнат в бельэтаже дома № 18 на Поварской. В советское время удалось получить охранную грамоту, что спасло экспонаты от революционных погромщиков, и впоследствии музею отдали особняк на Пречистенке, где музей открылся 20 ноября 1921 г.

Музей Толстого хранит и выставляет мемориальные вещи писателя, его родственников и друзей, изображения, издания на многих языках мира. Он – что является уникальной особенностью – хранит все рукописи Льва Толстого, для которых предназначена специальная стальная комната-сейф.

Особенно интересны его интерьеры, где обращают на себя внимание тончайшего рисунка росписи. Этой усадьбе принадлежит дом (№ 8), показанный еще на плане 1816 г. и перестроенный под квартиры в 1894 г. архитектором С.У. Соловьевым.

С левой стороны переулка – доходные дома, построенные в 1910–1911 гг.: № 1а архитектора И.П. Машкова и угловой с Пречистенкой № 5/13 архитектора Г.А. Гельриха для основателя крупнейшей московской торгово-строительной компании. Когда он был закончен, в августе 1911 г., в газетах появилось такое объявление: «Барские квартиры отдаются в доме Я.А. Рекк на Пречистенке, угол Лопухинского переулка в 6, 7, 8 и 9 комнат, кроме передней, 2–3 людских и буфетной, со всеми удобствами: водяным отоплением, электрическим освещением, подъемниками, вакуум-пылесобирателями, холодильниками, газовыми ваннами, с роскошной стильной лепкой, живописью, балконами и гаражами». Он был выстроен на участке, который принадлежал в начале XIX в. княгине Е.С. Шаховской, урожденной Головиной, чья семья была тесно связана с декабристами. В 1874 г. дом был приобретен главой известной в Москве купеческой династии И.В. Щукиным.

Как писал П.И. Щукин, «дом моего отца в Лопухинском переулке был куплен у Толмачевой за очень дорогую цену, значительно большую, чем он действительно стоил… Дом имел форму буквы «Г» и был каменный трехэтажный. При доме имелись: сад, небольшая оранжерея и службы. В саду отец выстроил деревянную беседку. В нижнем этаже дома находились: комнаты для прислуги, чайная конторщиков и кухня, настолько большая, что в ней во время вечеров пятнадцать поваров свободно готовили ужин… Во втором этаже находились: столовая, буфетная, комнаты моих сестер и старших братьев, моя комната, комната гувернантки, комната прислуги и контора».

Между этими домами (№ 1а и 5/13) – особняк (№ 5, строение 1). Инженер Н.Г. Лазарев перестроил здание 1806 г. для того же Я.А. Рекка с отделкой барельефами и лепными венками, где ныне помещается посольство Кении. Ранее здания здесь занимало Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, тут были музей и редакции биобиблиографического словаря и журнала «Каторга и ссылка», где напечатаны ценные исследования и документы по истории революционного движения в России. В 1935 г. Сталин разогнал общество, превратив бывших каторжан в настоящих заключенных.

Левый угол Лопухинского переулка с Остоженкой полностью перестраивается. Там находился небольшой двухэтажный дом с деревянной галереей, связанный с памятью о зна-

менитом русском историке Сергее Михайловиче Соловьеве. Сюда в 1850 г. въехала его семья и прожила там 5 лет, и в это время в 1851 г. Соловьев выпустил в свет первый том прославившей его имя «Истории России с древнейших времен», а в 1853 г. здесь родился сын Владимир. Этот дом полностью переделан под фотомузей.

На противоположной стороне Лопухинского переулка привлекает внимание дом № 6 с выделенными небольшими аттиками центром и боковыми частями. Он был построен в 1866 г. по проекту архитектора П.Е. Баева для почетной гражданки С.И. Щедриной.

Здание рядом (№ 4) выстроили в 1914–1915 гг. для одной из самых лучших в Москве частных гимназий, которая называлась по фамилии ее основателя Поливановской (см. подробнее в главе 14). Автор проекта этого здания – будущий известный архитектор А.М. Рухлядев, позже руководивший работами по проектированию Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г. и Северного речного вокзала.

В конце XVIII – начале XIX в. на месте этих участков был обширный участок тайного советника и сенатора П.А. Обрескова, часто упоминаемого в переписке и мемуарной литературе того времени. Этот участок выходил в соседний **Всеволожский переулок**, и в нем в 1913 г. вырос шестиэтажный жилой дом (№ 3) много строившего в этих местах архитектора Н.И. Жерихова. На участке, выходящем на угол Остоженки, в доме № 1 жил драматург И.П. Шпажинский, который писал либретто оперы «Чародейка», и Чайковский часто бывал у него в 1886 г. На месте здания АТС, построенного в 1980 г. (архитекторы Н. Афанасьева, Г. Камаева), был небольшой дом (№ 7), где в 1901–1902 гг. жил И.М. Сеченов, а в 1920-х гг. – Я.И. Алкснис, советский военный деятель, один из многих военных руководителей Красной армии, расстрелянных по приказу Сталина перед войной с Германией. Вся четная сторона переулка в XVIII–XIX вв. была занята просторной усадьбой, главный дом которой выходил на Пречистенку (№ 7). Она обычно называется по фамилии многолетних ее владельцев Всеволожских, которые и дали название переулку, но к ним она перешла в 1779 г. от тайного советника Михаила Федоровича Соймонова.

До этого усадьба принадлежала известному ученому и государственному деятелю Михаилу Федоровичу Соймонову, основателю высшего горного образования в России, главы Берг-коллегии и монетных дворов. Позднее его назначили главой Московского опекунского совета, и он прожил до кончины в Москве. Соймонов вместе с князем А.Б. Голицыным основал Московское Благородное собрание.

Его владения выходили и на проезд вдоль Белого города, который был известен по его фамилии – Соймоновский.

Всеволожские – старинная фамилия, произошедшая от Рюриковичей, – шестнадцатого поколения князей Смоленских, представители которой были стольниками, боярами и воеводами и чуть было не стали царскими родственниками. Одна из Всеволожских, дочь касимовского помещика Евфимья Федоровна, была выбрана из 200 девушек невестой царя Алексея Михайловича, но ей так затянули волосы (может быть, и по наущению конкурентов), что она, и так безумно волнуясь, упала в обморок. Родителей обвинили в том, что они сокрыли ее падучую болезнь, и всю семью сослали в Тюмень.

Братья Илья, Сергей и Всеволод Всеволожские принимали активное участие в придворном перевороте 1762 г., приведшем на престол Екатерину II, и были награждены и чинами и поместьями.

Всеволода Алексеевича Всеволожского (1738–1796), владельца этой большой усадьбы (№ 7) на Пречистенке, назначили обер-прокурором Синода, и к концу жизни он стал действительным тайным советником, сенатором и камергером и кавалером ордена св. Александра Невского. Он участвовал в миссии графа Орлова по ликвидации последствий чумной эпидемии 1771 г. в Москве и был в числе судей Емельки Пугачева.

Прямых наследников у В.А. Всеволожского не было, и усадьба перешла к его племяннику лейб-гвардии ротмистру Всеволоду Андреевичу. В 1800 г. дом переделывается: со двора устраивается «в длину всего дома» пристройка, «а с улицы балкон с колоннами».

С.Н. Глинка вспоминал, что в Москве до наполеоновского нашествия славились вечера в этом доме: «Каких только не было тут артистов иностранных? Кажется, теперь еще слышишь волшебные звуки Роде, Боельдье, Ламара и других питомцев Орфея. Им нужна зала? Она готова; освещена: блестит новою мебелью, и в один вечер звуки музыкальные перерезывают тысячи из карманов посетителей в карманы артиста».

«Всеволожские весело любили жить, – вспоминала Е.П. Янькова, – и так как были очень богаты, имея золотые прииски (жена Всеволожского была, кажется, Бекетова (его женой действительно была Елизавета Никитична Бекетова. – *Авт.)* или Мясникова, наверно не помню), то и давали большие праздники; это все было до двенадцатого года». Театрал С.П. Жихарев записал в дневнике 20 марта 1805 г.: «У В.А. Всеволожеского еженедельно по четвергам разыгрываются квартеты, в которых участвуют все лучшие музыканты, какие только находятся в Москве… Есть чего послушать! Вся знать бывает на этих концертах». Оркестр Всеволожского входил в число лучших в Москве.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский

Дом сгорел в пожаре 1812 г., стояли одни стены, окна были заколочены, и в нем никто не жил, а москвичи утверждали, что там водились привидения.

На большом дворе находился манеж, где давались «конныя представления Турньера… в труппе котораго люди отличаются ловкостию и искусством, а лошади послушанием». О манеже в феврале 1851 г. сообщал журнал «Москвитянин»: «Прекрасные лошади, умеренные цены, удобное помещение… По вторникам и субботам играет музыка и общество бывает многочисленно».

В конце 1860-х гг. дом приобрел купец Степанов и отделал его для сдачи внаем под квартиры и помещения для различных учреждений. Тут помещались гимназия Л.И. Поливанова, Высшие женские курсы (там преподавали известные ученые С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, В.И. Герье, А.Г. Столетов и др.), яхт-клуб, затем – Политехнический музей. Дела Степанова пошатнулись, и дом остался за кредитным обществом, еще долго слыл «домом с привидениями»: «Когда скажешь извозчику: «Вези в дом бывшего Степанова», он откликнется: «А, это там, где домовые!»

Дом в 1878 г. приобрело военное ведомство для разных учреждений. С тех пор он и занят военными.

В события октября 1917 г. дом, занятый штабом Московского военного округа, стал центром борьбы узурпаторов с законной властью.

Очевидно, что некоторые строения на этом участке остались за Всеволожскими, так как здесь родился один из выдающихся русских биологов, много пострадавший от советской власти, Н.В. Тимофеев-Ресовский, мать которого происходила из этого рода.

Глава III
В лабиринте арбатских переулков

Между Пречистенкой и Арбатом

Значительное пространство между большими московскими улицами Пречистенкой и Арбатом густо исчерчено извилистыми линиями переулков. Их в этой местности целых 23, больше, чем где-либо в центре Москвы. Общая протяженность переулков около 8 километров – это длина солидной городской магистрали, а самый большой из них – переулок Сивцев Вражек, почти 800 метров, и самый короткий – Малый Могильцевский, чуть больше 100 метров. Второй по длине переулок – Гагаринский – был во время формирования здесь застройки (примерно XVI в.) крупной радиальной магистралью, следовавшей от Пречистенских ворот Белого города, а образование переулка Сивцев Вражек связано с застройкой берегов ручья Сивец, правого притока ручья Черторый.

Здешние дворы были взяты Иваном Грозным в опричнину, и возможно, что к тому времени относится образование здесь нескольких казенных слобод. Ближе к стене Белого города, в районе современного Большого Афанасьевского переулка, находилась слобода иконописцев, у Сивцева Вражка – дворцовая царицына слобода, на южной стороне Арбата, в районе Кривоарбатского переулка, – слобода казенных плотников. Обширную территорию занимала дворцовая конюшенная слобода – там, где сейчас Гагаринский, Староконюшенный и Малый Власьевский переулки. Она смыкалась со стадной слободой у Кропоткинского переулка, а ближе к западной границе города находились военные стрелецкие слободы.

В XVIII в. тут начало селиться родовитое московское дворянство, а к концу века, особенно во время царствования Павла I, когда в Москву удалилось от петербургских треволнений служилое дворянство, этот район города стал своеобразным дворянским предместьем, которое сравнивали с Сен-Жерменским парижским фешенебельным пригородом. В Москве этот район получил название Старая Конюшенная.

После пожара 1812 г., когда все без исключения деревянные дома здесь сгорели, район в сравнительно короткое время был застроен. Появилось много изящных особняков, в которых особенно отчетливо проявились все симпатичные черты московской разновидности позднего классицизма. «Ухватив широту, пышность этого стиля, тогдашние строители сумели придать ему ту уютность, которой он не имел ни во Франции, где он был слишком чопорен, ни в Петербурге, где он был слишком величав. Отсюда то изящество, которым до сих пор отличаются отдельные уголки барской Москвы», – отмечалось в московском путеводителе 1917 г.

Дома в этих переулках превратились в некий символ целого периода в истории русского зодчества, в символ московского ампира. И недаром Иван Бунин писал в 1905 г.:

Здесь, в старых переулках за Арбатом,
Совсем особый город…

Действительно, здесь был особый город, резко отличный от, скажем, купеческого Заяузья или фабричного Лефортова.

Никто лучше уроженца этих мест не рассказал о них, предоставим слово князю Петру Кропоткину, знаменитому ученому и анархисту:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.